

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Мария Кейль
ДИКОЛЕСЬЕ

Мария Кейль

Диколесье. Сборник историй

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66484370

SelfPub; 2021

Аннотация

Сборник историй, которые появились сами собой. Мать Гусей, Дерево, Сорока и другие обитатели Диколесья живут и решают свои проблемы и иногда выходят к людям. Это истории без начала и без конца. Просто дни из жизни леса.

Содержит нецензурную брань.

Содержание

От автора	5
Мать Гусей	6
Intro	6
У нее было много имен	8
Она спрашивала у ветра	10
Кто твой враг?	13
Где твое сердце?	16
Где твой свет?	20
Кто пойдет за мечтой	22
В этом городе	25
Диколесье	26
Шняга	26
Журавлиное вече	27
Поцелуй козла	29
Сон фей	33
Ходить по небу	36
Читать по земле	37
Последний день	38
Петля	41
Эта зима никогда не закончится	43
Тропы	45
Когда рождается новый день	46
Зима	48

Сибирка	50
Рассвет	52
Близко, но далеко	53
Вестники рая	54
Сорок сорок	56
Кто-то орет	57
Ее долго не было	58
Пути ведут к корням	59
Сорока	62
Большая Медведица	64
Дерево	67
Три красных ягоды	69
В этом городе зажигали огни	73
Истории о людях	75
Йолик	75
Королевская рыба	81
Не стреляй просто так	89
Грибы	96
Почему не падает небо	98
Последний костер	106
Феникс	110

Мария Кейль Диколесье. Сборник историй

От автора

Эти истории возникли сами собой. По сути, Мать Гусей и Диколесье – это был мой дневник-блог, но не с лирическим героем, а с лирическим миром.

Диколесье началось с того, что я уронила в бору телефон и подумала: что если бы дерево нашло его и начало вести блог? Потом стиль и истории изменились, и от первоначальной идеи мало что осталось. И я этому рада.

Последняя часть – рассказы о людях – были написаны раньше Диколесья, и не относятся к нему по букве, но относятся по духу.

Отдельную благодарность Мирте Миляевой – моему самому преданному читателю. Без нее вряд ли это продолжалось бы так долго.

Всем, кто следил за приключениями Сороки и Деревя – спасибо огромное.

За прекрасную обложку спасибо Кате Неженцевой.

Мать Гусей

Intro

Поют, что ее можно найти на Юге.

Поют, что ее можно найти на Севере.

Те, кто имеет сильные крылья и зимуют на Юге, верят, что она ждет их на Севере, и потому огромными стаями возвращаются каждую весну домой.

Те, кто привязан к земле, поют, что она в далеких краях живет. Мечтают, что однажды, вслед за пронзительным зовом перелетных, они, земные, тоже встанут на крыло и полетят... Полетят, и найдут ее за морями.

А те, кто прорывается на своих крыльях сквозь шторм — те просят ее покровительства. Просят и надеются увидеть ее там, куда прилетят. В холодных краях синицы и снегири просят ее о тепле, просят ее о зерне. Скворцы просят дома, укрытия от врагов. Лебеди просят о паре, о том или той, кого можно любить всем сердцем и навсегда, и просят сохранить любимого. Орлы просят о ветрах и добыче, совы о мягкой тьме.

... ее ищут везде. Ее находят везде. Среди полей и лесов, в пронзительных небесах, в дождливых облаках, в незамерзающих полыньях. Но чаще ее видят в полях около небольших

озер. Она любит гусей и лебедей, и потому ее зовут Мать Гусей, хотя и покровительствует она всем перелетным и непелетным птицам.

... у нее немного сил, лишь поправить ветер белым крылом. Она не может согреть всех в сердце зимы и успеть везде. И душа болит, и рвется за каждого, кто упал на холодный снег. Она не любит мусор от людей, не любит автодороги – не одну сову сбили грохочущие машины, не одна утка умерла, наевшись пластика.

...но благословляет она улыбкой и чувством полета тех, кто делает кормушки и выхаживает подранков.

Она зовет лететь на Север.

Она зовет лететь на Юг.

Она зовет лететь, шагая при этом по земле.

Она – Мать Гусей и всех перелетных и непелетных птиц.

... слышишь за окном шелест крыльев?

Она тебя зовет лететь.

У нее было много имен

У нее было много имен. У нее был город, который она оставила за спиной. У нее были серые крылья, но шла она по земле. Потому что нет правды в небе; и нет в небесах тех, кому нужна её помощь.

Она когда-то помогала птицам, она когда-то помогала мастерам.

У нее была мечта – быть нужной людям. Она тогда помогала строить корабль, и верила, что за это ей дадут каюту и место в команде ... но, когда корабль был построен, она поняла, что это не ее путь. Не ее команда. Не ее море. Не плохое – просто чужое. Как Виола Шекспира, она оказалась одна на чужом берегу.

У нее был город – на земле и в мечтах. Пока на земле было мало что – прошлой весной поставили срубы, но им надо отстояться, осесть. Пока там тихо. Весной снова начнется стройка, снова запоют песни. А пока надо идти вперед, на голоса птиц, которые еще только должны вернуться в северный град.

Там, меж миров, на оконечности земли, в теплых краях птицы порой теряют веру в себя... Почему, что за враг разит их – неведомо. Но не все возвращаются на родной берег.

У нее была цель. Она хотела сразить неведомого врага, чтобы все птицы могли по весне вернуться домой.

У нее была цель...

Была ли? Иногда, теряясь среди заснеженных дорог, она сама себе казалась перелетной птицей с подрезанным крылом. Где твоя магия, женщина? Где твои крылья? Кто твой враг и твоя мишень; кто твой свет и твое сердце?

Кто ты?

Есть у тебя ответ на вопрос, которого нет? И как ты будешь бороться с врагом?

Где... твои ... крылья, Мать Гусей?

Она спрашивала у ветра

Она спрашивала у ветра:

– Где они, птицы мои? Почему не вернулись? Не ты ли растрепал их перья, не ты ли разбил птичий клин?

Вихрем обернулся северный ветер, от реки метнулся южный. Западный с восточным поменялись местами, и на четыре голоса ответили:

– Нет! Мы рвем паруса и ломаем стекла, раздуваем огонь и приносим бурю. Бывает, попадают в наши пути-дороги перелетные; но так, что намеренно – никогда не станем рвать их путь!

Она спрашивала у реки:

– Ах, быть может, слишком рано сковал тебя лед? Быть может, кто-то не смог улететь?

Отвечала ей вода, скрытая подо льдом и снегом:

– Нет, хоть и во льду я, птицы все улетели, ни одна утка не осталась плавать в полынье!

Она спрашивала у Луны:

– Ах, Матушка-Луна! Быть может, скрылась ты рано, не освещаешь путь, вот и не летят птицы домой!

Отвечала Луна с неба:

– Нет, свечу я всем одинаково. И только тучи или смог городов закрывает мой свет. Я видела птиц перелетных на юге... Но не знаю, почему они не летят.

Скрип снега под ногами умирает, там, дальше – грязное крошево весны. Дороги, по которым не пройти. И уж запачкано синее платье, и уж не видно белой вышивки на нем.

Она дошла до Города на Юге.

Шум, дым и тьма висели над ним. Грохот машин стоял такой, что Город не слышал ее вопроса. Не слышали его люди, не слышали дороги, не слышал темный дым из печей, не слышали ее голоса тени извилистых улиц и высоких домов.

Никто не слышал здесь птичьего крика...

... кроме одного старика. Он кормил у реки уток хлебом. У реки, которая, закованная в камень, тоже не слышала крика.

Он спросил ее, пряча половину буханки в сумку:

– Зачем ты ищешь их, перелетных птиц?

– Они должны вернуться домой. Ты видел их, старик? Кто мешает им вернуться?

Он вздохнул, тяжело и грустно, как могут только умудренные опытом и болью люди.

– Идти тебе далече... Иди, да не надейся их вернуть. Там, чуть дальше на юге, есть огороженный лес. Там твои птицы. Но кто мешает им ... не могу я тебе сказать. Да и что ты сделаешь? Ты сама как птичка в сетях! Как ты сможешь напомнить им, кто они, если не знаешь сама?

Она поклонилась в ноги, а потом оставила ему длинное гусиное перо. Ей пора идти, пора – там, в далеком лесу, ей придется вспоминать, что когда-то она была ведьмой... При-

дется напомнить другим, что значит – летать. И если будет там враг – это не ее беда, видит лес.

Она вышла из города и спросила у волка:

– Ты мне поможешь, друг?

Кто твой враг?

– Кто твой враг?

Волк посмотрел ей в глаза и повторил вопрос.

Зверь помнил ее по давним временам, по лихим зимам в глухом лесу. Тогда она, еще щенок, пыталась найти дом. Одинокая, металась между Диколесьем и миром людей. Не раз и не два он выручал ее, помогал обойти капканы. Он любил ее – как сестру, но видел – что как бы она не хотела остаться в лесу, ей там не место.

– Кто твой враг?

Они стояли на границе леса. Но путь им преграждал забор. Она чувствовала взгляд Волка, но отвечать не спешила. Врага она чувствовала сердцем, она знала кто он... О враге ныло крыло.

– Ты можешь перелететь, но я буду ждать, – Волк сел у ограды. – Только помни кто ты и возвращайся.

Крылья отозвались болью – давно она не летала. Минута меж небом и землей – и радость, и страх, и боль. Внизу, посреди леса было видно озеро, а рядом небольшой дом. Она знала это место – птицы любили зимовать на этом озере, только не было раньше ни ограды, ни проволоки, ни дома, ни проводов, ни пары машин у дороги.

Птиц на озере было много. Родные гуси, дикие лебеди – все, кто любил это место.

– Ах, сизокрылые, чего вы не летите домой?

Пронзительный крик был ей ответом. Один из лебедей забил крыльями по воде, и она увидела, что у птиц обрезаны перья.

Заныли свои крылья. Память обожгла болью, растеклась страхом и беспомощностью. Она знала, кто ее враг. Эх, Волче... жаль, не осталась тогда в Диколесье. Жаль, что пошла к людям.

Она обернулась человеком, спрятала крылья и острый взгляд, и пошла по дороге к дому.

– Эй! Кто ты? – Ее остановил мужчина в рабочей одежде.

– Новый... научный ... сотрудник, – скрывая боль в голосе, ответила она.

– Отлично! Эй, Лена! Нам новенькую прислали!

Подошла пожилая дама, и дрожь в сердце было не остановить.

– Ну, пойдем, проведу тебе экскурсию.

Она знала эту даму. Она знала уже что и зачем они делают... Но все равно спросила у озера:

– А зачем вы обрезаете перо? Мне говорили, это просто заповедник.

Та усмехнулась.

– Обрежешь перо, птицы забывают, как летать. Привыкают. Не все, но многие. Но это ради их же блага! Так много их погибает на севере! Так много погибает в перелетах! То в проводах запутаются, то пластика на реке наедятся! Мы их

сохранить хотим!

Она опустилась на колени у кромки воды и шепотом, неслышным человеку, прошептала:

– Слышишь, сизокрылый? Полетели домой? Посмотри, у тебя перо отросло...

Гусь качнул головой. Он был толст, упитан – больше по стати уже домашний, а не дикий. И не хотел никуда лететь. Его кормили и тут.

– Ты не переживай, отсюда не улетают, – безмятежно сказала дама. – Пойдем, выдам тебе форму, надо еще кое-кому из птиц чипы вшить. И новым перья подрезать. С такой экологией им только в заповедниках и жить!

А за оградой ждал Волче. Он уже однажды спасал её, уносил от человека, который хотел приручить да подрезал перья.

Он ждал... решил ждать ровно трое суток, а потом идти с боем.

Волки хоть и не летают, но своих не сдают

Где твое сердце?

Ночь пришла на теплое озеро. Мягкие сумерки поглотили всех, смешали с тенями и птиц, и людей, и волка за оградой.

И только она шла по берегу.

Тихо. Громко. Одиноко. Слышишь стук сердца? Она вспоминала день: обернувшись человеком, она зашла в заповедник. Одинокая девушка, новый научный сотрудник... она представилась Анной... взяла имя сестры. Надо было узнать, кто враг. Посмотреть в лицо, и решить что делать.

Но не готова она была к тому, что её сразу попросят подрезать крылья. Ей надо было время, время чтобы расправить свои и сотворить магию – чтобы перо у птиц отросло. Хотя бы ночь. Хотя бы день. Если сейчас она возьмёт в руки ножницы, и кто-то пострадает, она выиграет время – ночи и завтрашнего дня хватит. Ее сочтут за свою; за человека. Но потом – как смотреть в глаза истинно своим?

... а женщина, Елена, протянула ей гуся. Вот, обрезай, помогай. Вот, держи ножницы. Хотя нет, стой, покажу как надо!

Когда первое маховое перо упала оземь, она не выдержала. Расправила свои крылья и закричала. Громким, пронзительным лебединым криком. Ножницы выпали из рук женщины, и та начала медленно оседать на землю.

Она подхватила даму из заповедника, и заботливо уложи-

ла наземь. Ничего дурного, эти люди не хотели ничего дурного, просто хотели исправить то, что испортили другие...

Она шла по берегу. Сил ее магии хватит на сутки; люди не проснутся раньше. Сердце болело, в руках мелькали стебли трав. Они сплетались в узор, узор в венок, венок падал на воду.

Когда взошла луна, к берегу подплыли все птицы.

– Пора домой, пернатые. – Ласково сказала она, – пора домой.

– Но у нас нет крыльев, – ответил ей кто-то.

– Разве?

Перо отрастало, сначала грубыми пеньками, а потом и пухом.

– Пора лететь, родные.

Лебедь покачал головой.

– Зачем? Там далеко, и небеса нынче опасны. Там металлические птицы, там механические пауки. Тут нас кормили всю зиму. Зачем нам лететь?

Она шла по берегу. Луна уже ушла дальше, стала меньше. Пернатые ушли спать. Зачем ей куда-то лететь? Можно же стать просто человеком, остаться. Сдать крылья в ломбард, жить. Но с пальцев стекали огни. Тонкие линии света текли будто из вскрытых вен, стекали по ладоням и падали на опавшую листву. Это гнев тек в ее крови и не умещался в сердце.

Легко было победить внешнего противника, легко было

сразить людей. Но что делать с тем врагом, что они взрастили в душах птиц? Что делать со страхом, с привычкой к покорности? Что делать с тем, что им тут удобно? И не объяснить, и лететь им страшно. Потому что небо – небо надо преодолевать, ему надо верить. А верить – страшно. Потерявши однажды крыло, снова начать летать ...

Поднималось солнце – это второй день. Если она не придумает ничего, то волче придет за ней завтра утром. А он не поймет нерешительности.

Она могла бы сжечь дома. Она могла бы сжечь лес. Она могла бы убить людей. Но ей еще понадобятся силы – на дорогу домой. Ей еще понадобится сердце – чтобы вести за собой.

Около дома просыпались люди.

Надо было спешить. Пусть станет металлом каждое ее перо. Пусть станет огненной кровь. Пусть пламенем пляшет голос.

Они не хотят лететь – пусть. Дорог много – захотят, придут.

Стальные перья разбили заборы, разметали на части наблюдательный дрон. От голоса рассыпались чипы на лапах. От северного ветра – вспомнился дом.

Все птицы смотрели на нее, будто забыли. А они не должны были... Не должны.

Она взлетела – в синее, свободное небо. Там, за оградой ждал волк. Он увидел силуэт в облаках, усмехнулся

– И все-таки не волк ты, дикарка. Не одна из нас. Человеческое у тебя сердце.

Она оставила в живых людей – волку было не понять. Но она знала – от боли в сердце, они не смогут повторить тот выбор, они не смогут забыть щемящего неба.

Она летела – одна. И по щекам текли слезы. Она разрушила все, что могло им мешать, а уж кто полетит следом, сколько их – она не могла знать.

Пока ей вслед летела тишина...

Где твой свет?

Небо закрывали тучи, надо было опускаться на землю. Внизу, в разрывах облаков, среди холодных елей, бежал волк. За спиной была пустота, за спиной была тишина.

Надо спуститься, но тяжелые крылья неумолимо тянут вверх. Тянут прорваться сквозь тучи к свету, так высоко, как только хватит сил.

Она знала, что чем ближе к солнцу, чем выше – тем меньше сил дышать. Там свет – и пустота. Как в сердце.

Надо спуститься, Волче ждет... но она поднималась выше, рассекая облака, и через просвет на землю падали лучи уходящего солнца. Падали, и оседали теплом.

Рядом забили крылья... слишком слабые... слишком мягкие... она все равно обернулась в надежде. Но то была Сорока, что порой улетала от Диколесья далече.

– Ты почему одна летишь, Мать?

Сорока – птица резкая, но добрая. Она не стала дожидаться ответа, просто взяла и пристроилась на потоке ветра.

– Тогда я рядом полечу, если ты не против. И это... там, внизу, тебя Волче ждет.

Он ждал... а ей не хотелось спускаться. стыдно было смотреть в волчьи глаза, стыдно от того, что не вышло, от того что не справилась. Никто не пошел за ней. И что ей небо, что ей солнечный свет, если следом не летит птичий клин?

– Ты чего грустишь, Мать?

Сорока легко попевала за большим крылом. Хитрая душа, она всегда умела находить обходные пути.

– Они не летят за мной, Сорока.

Та рассмеялась.

– Как не летят? Пара-то вон, сзади летит... поди набедокурили, вот и боятся близко к тебе подлетать.

Она обернулась – и вправду, сзади виднелись серые крылья. Отвыкшие от неба, они то и дело теряли высоту, но продолжали лететь.

Она обернулась – и свет растекся по венам. Она почувствовала, что устала сама. На земле ее ждал волк...

– Ну вот, другое дело! А то я тоже устала!

Сорока с радостью пошла вниз.

На лесной поляне у реки к ним присоединился десяток гусей.

– А остальные?

– Прилетят... если захотят, – ответила за всех Сорока.

– Ты не спасешь всех, – тихо сказал волк. – Ты освободила путь и показала его. Остальное – их дело. Их крылья.

Пойдем. Время возвращаться домой.

Кто пойдет за мечтой

Лететь домой – не быстрое дело. Она понимала птиц: ей самой было совестно возвращаться почти одной. И, наверное, бы не вернулась, но над головой летела Сорока, а рядом мохнатыми лапами переступал верный друг.

Ее ждал город – где только должна начаться серьезная стройка, ее ждало Диколесье – где жили не только волки. Как бы ни было страшно возвращаться, все же... от себя никуда не денешься.

Вот твои крылья, женщина. Вот твои гуси. Вот те, кто пойдет за тобой.

– Ты, главное, сама за собой иди.

Волче шурился от внезапного мартовского снега, заново закрывающего проталины на родной земле. Снегопад весной, как бы силен и размашист ни был – дело не вечное. Знаешь, что стоит только тучам уплыть, как белое полотно сойдет, снова освободит первые промоины, первые черные пятна полей.

Лететь домой – возвращаться к себе. Заново зажигать свое сердце весной ... больно. Сложно собирать искры гнева, упавшие с пальцев; сложно возвращать себе силы.

Ее ждали птицы. Ее ждали люди – некоторые уже зажигали костры в честь ее возвращения. Им было неважно, с победой она идет или нет. Главное – возвращается.

Мать Гусей возвращается домой.

Лететь домой – всегда страшно. Вдруг дома еще не началась весна? Вдруг нет еще открытой воды? Вдруг эти люди опять все поменяли? Вдруг не примут свои – крылатые?

Перелетные каждый раз побеждали страхи. Справились и на этот раз. Серые крылья спускали птиц на первые окна на закованной в лед реке.

Вернулись не все – как и всегда. Кто-то остается, кто-то боится, кто-то привыкает жить с обрезанными крыльями.

Кто готов идти за мечтой? Кто готов возвращаться домой? Далеко на юге, в огороженном лесу, один за другим поднимались в небе перелетные – гуси да лебеди. Чего уж греха таить, не все. Кто-то остался. Кто-то не готов был отказаться от трапез по расписанию ради ураганных ветров.

Но таков путь. Она никого не звала за собой... кроме тех, кто готов лететь. Им достаточно было дать крылья и показать окно в тучах, остальных нельзя поднять в воздух против воли.

– Они придут, чего ты.

Сорока села рядом на ветку боярышника.

– Или нет.

Волче стоял сзади.

Те, кто мог, те кто хотел – вернулись. Она сделала, что могла. Она показала путь.

Стальные перья до поры спрятаны в Диколесье, время строить дома.

Ей город (её мечта) – ждал. Резной, странный Китеж-град
на границе реальности.

В этом городе

В этом городе пели песни. Ради тех кто вернулся, ради тех, кто еще придет. Пели о других городах, о морях, о штормах. Пели за работой, пели за отдыхом.

В этом городе любили жить.

В городе было мало людей, потому что та, кто заложила фундамент – отродясь лидером не была. Но что взять с женщины, которую вырастили волки? Она все ходила по берегу да говорила с гусями – что с неё взять? Она знала, что ей каждый раз придется идти впереди (это же её город! её гуся!) и это пугало до рези в глазах. Идти бы ей одной – нечего тут бояться; но следом должны идти другие... а она никого не зовет.

В городе было много сокровищ: были люди, были мечты. Что еще надо?

За городом был лес – Диколесье.

За городом был мир – иногда прекрасный, иногда злой.

За городом была...

... и ей бы отдохнуть, ей бы набраться сил. Подождать, пока искры снова будут течь от сердца к пальцам. Ей бы остановиться...

... но Мать Гусей все еще не придумала легенду о своем городе, поэтому шла дальше.

Диколесье

Шняга

Ох, люди эти. Опять потеряли свою шнягу для разговоров. Ходили, разговаривали, зачем-то тыкали в мухомор, а потом увидели белый гриб, и бросили эту штуку.

Ходили потом, искали, пинали, шумели. Шняга гудела, вопила, но люди её не замечали. Глухие что ли? Мы с грибами да березами уши затыкали как могли, а эти двуногие не слышали. Чудные они – недикие.

А потом взяли и ушли.

Я тыкал в экран, тыкал.

Упс, получилась картинка. Теперь у меня есть шняга, а на ней я.

Надо разбираться дальше.

Журавлиное вече

Ветер гонит облака к середине осени, ели только стряхнули с себя прошедшие дожди, а березы меняют зелень на золото, будто впитывают последний солнечный свет.

На гладком людском экранчике меняются цифры.

Время... я раньше и не знал, что ему ведется счет. Теперь с каждым новым рассветом я узнаю, что вчерашний день умер. Минуты и часы уходят, и от этого и грустно, и весело.

Беги, время, беги!

Я шагаю по заболоченному берегу, минуя яркие бусины клюквы. Дальше, на озере, укрытом в глуши, слышны голоса. Пронзительный шепот, грустные разговоры, волнительные споры – когда лететь домой? Можно ли еще остаться на несколько дней? Будут ли благосклонны ветра к перелетным птицам?

Шумит-поет, спорит и решает осеннюю судьбу журавлиное вече.

Даст небо еще немного тепла – останутся птицы ненадолго, чуть позже тоскливо зашумят стаи в небе. Но чую корой и мхом – быстрая зима будет и суровая.

Мне не подойти ближе, я не хожу по воде. И никому не приблизиться к тайному озеру. А вечером, когда быстрые тени сплетут сумерки, прилетят туда гуси и утки, да другие перелетные птицы. Придет Мать Гусей и благословит перна-

тых. Всего лишь слово, всего лишь знать, что она проводила их – птицам не надо многого. Надежда улететь, вера в возвращение ведет их крылья.

Я же иду по мху, по узким заросшим просекам. Ветер волнует озеро за спиной, треплет кроны сосен; но скоро он принесет холод, принесет снег, принесет тишину.

Зима близко. Время, остановись. Дай всем укрыться, дай всем уйти.

Дай всем еще немного тепла.

Поцелуй козла

Я хотел порадовать вас фото грибов, но эта человеческая шняга вдруг показала нолик, запиликала и превратилась в камень. Ничего не предвещало, правда.

Пошел я к Лисе. Она покрутила его в лапках и сказала:

– Так он же сел, дорогой.

– И что теперь делать?

Рыжая помахала хвостом.

– Как знать... Сорока, ты часто бываешь у людей. Что они делают?

Черно-белая махнула крыльями и улетела. Только мы с лисой хотели сказать "вот же ... птица", как та вернулась с пучком черных и белых веревочек в клюве.

– Вот, попробуй.

Вертел я своими палками эти веревочки, вертел. Что куда вставлять?

– Да вот же дырка, Дерево! – Сорока тыкнула клювом в телефон. – Сюда вставляй!

Мы вставили, конечно. Но ничего не произошло.

Все провода перевставляли. Но ничего не произошло.

– Сорока... а куда второй конец вставлять? – я чувствовал подвох.

– А мне почему знать!

– Сорока! – я тыкнул в нее деревянным пальцем и согнал

с плеча, – прекрати обдирать мне мох со спины! И говори нормально!

Птица возмущенно щелкнула клювом.

– Ну специальные дырки у них есть. У людей. А еще я видела у них картинки, как они провода в картошку тыкали и от этого лампочка горела. Может и это будет?

Ну что ж, время прогуляться по лесу. Опавшие листья пу-
таются под ногами, плечо дерет когтями вездесущая Сорока. Где-то позади, среди берез, слышны шаги Старшого. Но Велес не любит нынче показываться даже нам. Я ни разу его не видел, только слышал шаги.

Замаячили светлые пятна. Ух, ни разу не был на Краю Леса. Страшно, страшно. Но за спиной шаги по траве... и дальше, вперед, к людям шагает Старшой. Говорят, по осени он проверяет стойла и сараи, где все еще держат животных.

Я собрался с духом и заковылял своими палками.

– Куда идти, Сорока?

– Вперед, Дерево! Еще по лесу идем! До деревни еще шагов пара сотен!

Ну вот, а мне казалось, что пару сотен я уже прошел.

Мы прошли по полю клевера, подошли к заборам и увидели черную землю. Чистую черную землю.

– Сорока... а где картошка?

– Не знаю... выкопали наверное!

Я ходил по земле и пинал палкой любые ямки. Сорока гребла лапками. Мы нашли пару мелких клубней, но как не

пытались, дырки не нашли и провод вставить не смогли.

– Может, выкинешь? – Сорока ткнула клювом в телефон.

– А вдруг человека потерянного найду? Хоть им сообщу. Пойдем на другое поле!

Еще я не любил незаконченные дела.

Мы прошли четыре поля, ноги болели, Сорока уже и не пыталась помогать, и разве что не спала у меня на плече.

– Давай в Лес? Завтра продолжим.

Она кивнула и молча спорхнула с моего плеча. А я зашагал мимо невзрачных заборов к клеверному полю.

Человеческая шняга оставляла слишком много вопросов. Мысли прервал стук копыт, шелест трав и громкое дыхание. Передо мной стоял здоровый горбоносый козел с белой челкой.

– Фу, кыш! – я зашагал быстрее. Козел слишком сильно пытался обкусать мне пальцы.

– Прохор! – раздался голос человека с дороги. – Домой идем!

Только тут я заметил высокого человека, и с ним двух коз. Ух, вот я и не могу уйти. При людях ходить нельзя. Пришлось замереть.

А козел... козел... Козлище обоссал себе морду ... хочется думать что феромонами, и полез целоваться. Миленько так, с высунутым языком.

И не уйти, блин.

Фу, липкая мерзость. Фу, вонючая зверюга. Фу, фу.

Сорока спикировала с березы и забила крыльями.

Козел отвернулся и побежал за хозяином. Надеюсь, он его тоже зацелует... блин.

Сорока сидела на плече и угорала.

– Ну ничего, ничего, говорят: целоваться с козлом – к удаче!

– К удаче?

– Ага. Я тут нашла на одном окне штуку куда провода втыкать...

Сон фей

Редкий тонкий свет почти не греет, в лесу становится все тише и тише. А в тех шумах, что еще живут – предзвонная суэта. Мыши проверяют запасы, синицы прячут меж коры утащенное с полей зерно.

– Ты чего грустишь, Дерево? – Сорока, кажется, уже прописалась у меня на плече.

– Я не грущу, я медленней думаю. Сок замедляет движение, смола застывает в ветках.

– Ммм... Опять лирика? Может, к козлу на свидание сходишь?

Я согнал надоедливую птицу.

– Иди, лучше запасы готовь к зиме!

Она посмотрела на меня с березы и щелкнула клювом:

– Зачем? Я ж Сорока, уволеку чего-нибудь. И у тебя мох обдеру.

Я хотел ткнуть ей веткой в глаз, но она увернулась и выхватила из моего дупла подзабытый уже человеческий аппарат.

– Слушай, а вот тут спрашивали про мальчиков-фей, пойдём поищем? Я их тоже ни разу не видела.

– Их никто не видел. Не положено! Отдай телефон, птица!

– Это почему еще? Что опять все знают, а я нет? Почему от меня секреты?

Она пронзительно крикнула и полетела прочь. Березы укоризненно качали ветвями.

Никто ничего не скрывал, просто птицы живут тут недолго. И рассказывать снова и снова одни и те же истории, не зная можно ли доверять трещоткам... Мало кто решался. Только вороны и совы иногда достаивались чести и мудрости.

– Пойду пройдуся, – гулким эхом унес ветер мой голос. Кому я это говорил? Кто мог меня услышать? А скоро и не услышит никто. Многие уснут на зиму, Сорока переберется поближе к людям, перелетные – улетят. И воцарится тишина, и только вдалеке, в сердце леса запоют волки.

Раньше ... раньше здесь пели феи. Волков я тоже любил, но они – прекрасные дикари от природы. А феи... был я там, полторы сотни лет назад. Совсем юным, и тонким. Помню, помню их танец у реки и ручья, которых больше нет. То тонкие, светлые создания танцевали. Они встречали луну и солнце, они предсказывали будущее по звездам.

И однажды, они увидели будущую мглу. Боль и страх, людей и кровь. Но они должны были сохранить мудрость и знания, чтобы лес мог всегда вернуться.

И однажды, в такую же стылую осень, они уснули. Пока не кончится зима, пока не люди начнут садить леса, пока...

Порой нам кажется, что время фей не вернется, что они ушли навеки. Но в сердце леса слышен грозный голос волков, и мы знаем: феи всего лишь спят, а волки охраняют спя-

щих.

Пока не начнется весна в этом мире.

– Ну ладно, я тебя прощаю. – Сорока уселось мне на плечо с шишкой в клюве. – Что мне сделать, чтоб ты не обижался, Дерево?

– Дожив до весны, Сорока. Доживи до весны.

Ходить по небу

Поле покрылось белым. Я стоял на опушке и смотрел, как домашние гуси обрывают покрытую инеем траву.

Мы тут из-за Сороки – она сидит не на моем плече. Она обрывает красные ягодки сибирки. После первого мороза твердые красные яблочки становятся мягкими, сладкими.

В лесу дички не так много, а вот около крайних деревенских улиц – море. Тут не только моя Сорока, тут и воробьи, и уже прилетевшие на зиму синицы. Снегирей только не хватает. Каждый стремится полакомится, пока есть.

– Уффф, теперь и погулять можно.

Сорока уселась на моем плече. Зоб она набила знатно.

– Ты же и так гуляешь.

– Да что ты понимаешь, Дерево! Знаешь, как это? Ходить по небу? Я лечу иногда высоко, а потом просто расправляю крылья. И тогда все равно, где небо, а где земля.

– И часто ты так делаешь, Сорока?

– Бывает иногда, – она ответила уклончиво и отвела взгляд.

– И не боишься упасть?

Она посмотрела на меня как на идиота.

– Дерево, кто умеет ходить по небу – не может упасть.

Читать по земле

Если хочешь кого-то найти – умей читать.

Простая житейская мудрость, которую знала с первого дня не только Сорока. Умей читать. Умей видеть.

Да не человечьи черные закорючки, нет. Умей читать реальность.

Летишь над лесом и знаешь, кто только что пробежал внизу.

– Слышь, Дерево, там опять кошка из деревни шарится. Наверное, белок соблазняет.

– Сорока, я сплю.

– Ой, подумаешь! Они еще к тебе на ветки залезут и тут покувыркаются!

Что Дереву интересно зимой? Только весна. Сок по стволу бежит так медленно, что каждая шутка доходит как минимум час.

Проще лететь дальше. Над замерзшей рекой, над высоким обрывом. Над ровными полями-озерами. Над белым снежным листом, пока еще чистым и свежим до самого горизонта. Но скоро – исчерканным тысячами живых шагов и историй зимы.

Слушай... а куда сейчас идешь ты?

Последний день

Она снова села мне на плечо, вот же птица... Скоро зима, я выбирал красивое место чтоб выдохнуть, пустить корни и уснуть.

– Сорока, не стучи. Посмотри какой красивый берег, смотри как бежит вода... Сорока, чего стучишь?

– Он умер, Дерево! Умер!

– Кто?

Она хлопнула крыльями, отвернулась и все же ответила:

– Козел твой! С кем ты целовался. Неужели ты не помнишь?

– Почему же, помню. Жалко его.

Крылья на плече затрепетали, когти ободрали мох.

– Только лишь жалко, а?

– Сорока, все же умирают. Это жизнь и смерть, это воля и судьба этого мира, это неизбежность, и если ты печалишься – то ты слишком много сидишь а человеческих окнах.

Она хотела крикнуть, но лишь несколько раз открыла клюв.

– Ты... Ты – Дерево! То есть если я не прилечу больше, то тебе тоже будет все равно? Ты тоже скажешь что ... «это – неизбежность» ?

Она улетела прочь.

Внизу, под обрывом текла вода, мерные, все более спо-

койный поток. мы шли в глубокую осень, и волны успокаивались под тяжестью туч. Редкие рыбаки лучили щуку и ставили закидушки на налима. Дни шли за днями, я не считал их, но Сорока не возвращалась.

Вот так всегда, привяжешься, познакомишься, а они возьмут и не вернуться. Потому что мне жить сотни лет, и им жить – совсем крохи. И ведь они даже не понимают, что следуют плану природы.

На плечо мне снова ударили крылья.

– Завтра будет буря и будет снег, я едва ее обогнала, – Сорока отряхивала крылья. – Сегодня последний осенний день.

– Куда ты летала, птица?

– Хотела подальше улететь, Дерево.

Ветер нес темные тучи, тащил свинец с дальнего горизонта.

– А почему не улетела?

– Потому что не могу. тут мои ветра, тут мой мир, тут ты. Словно я создана кем-то для этого места.

Сложно было признать это, но...

– Я рад, что ты вернулась.

– Я тоже, дерево. Только... только пообещай мне, пока мы на берегу осени, пока не началась зима – пообещай не забыть меня как того козла. Хорошо?

Я нечаянно махнул веткой и последние листья упали в воду.

– Только и ты пообещай, Сорока. Перезимуй. Непременно перезимуй.

А я буду ждать тебя на берегу

Петля

Изморозь осыпалась с веток, стоило только с них спорхнуть. Мягкие белые хлопья от моих крыльев. Шум и крик. Беги, Лиса!

Рыжая убегает. А я смотрю на петлю на белом, белом снегу. Внутри – кишки и мертвая курица. Ароматно, тем более что зима, еды найти сложно. Вот и завелся... ну как завелся... Жил он тут всегда. На краю деревни один мужик. Падла-человечек, даже мне, Сороке, понятно.

Держал он птиц. Обычных уток, кур. Против них я ничего не имела, даже всегда была «за» – зерно у них подтыривать было очень удобно. Как-то однажды, кто-то очень голодный взял одну курочку зимой. А что, загоразживаться надо лучше. Все что в поле – дикое.

Одну, Лиса ведь не Хорек и не Камышовый Кот. Так, чтобы выжить.

А мужик взъелся. Ходил, проклинал. Хотя я видела, у него у уток лапы померзли, потому что он им сарай залюбил утеплить. Так что не жалко было. Так он взъелся, и стал под самую темную ночь да около нее, ставить петли. Мол, если к Новому Году не поймает кого – то год прожит зря. Потом даже ружье купил и стал ходить по следам. Никто уж и не трогает давно, а он так вот... злобит.

Уже который год. Холод, снег, зима. На белом снегу – пет-

ля с приманкой. Сложно лисе устоять. Да и мне сложно. Я так второй год бью крыльями, кричу, если лезет лиса в петлю. А до меня так мамка моя Сорока, тоже зверьям говорила. Прочь!

А сегодня... сегодня туда чуть собака не угодила. Вернее, угодила, я не успела крикнуть, не с леса она шла. а от деревни. Серая лайка уволокла петлю вместе с тушкой.

То-то же, поделом.

Я сижу утром на ветку и жду. Он приходит, шарит под снегом. Смотрит следы.

– Ну ничего, я сегодня новую поставлю! Надо ж кого-то добыть к самой темной ночи...

Он говорит «добыть», но это значит – убить. Убить и изжарить в адском пламени.

Эх, люди. Медведи и то их сырыми едят, они не такие звери.

Эта зима никогда не закончится

Белый снег, сизый лед. Звонящая тишина вокруг. Я только проснулся несколько дней назад, и чувствую себя безумно одиноким. Моя жизнь только началась. Я – Новый Год.

– Эй, есть кто живой?

Живые есть, но они молчат. Они спят. А кто-то просто боится – вдруг придет хищник, или еще хуже, человек.

Я иду один по бескрайнему лесу. Кажется, что снег не закончится никогда.

– Есть кто живой? – шепотом спрашиваю я.

– Да есть, конечно! – На ветку дерева садится Сорока. – Ты чего тут делаешь, а?

– Ничего, – это было правдой. Что еще можно делать, когда мороз стоит такой, что дыхание инеем застывает на лице?

А дальше – я знал это прекрасно— дальше будет еще морознее, еще снежнее. Я пойду еще глубже в зиму.

Сорока уселась на ветку кряжистого дерева у обрыва.

– А что дальше делать будешь?

– К людям бы надо.

– Зачем? Им что ты, что прошлый год – как жили не по природе, так и будут жить.

Я вздохнул.

– Если не пойду вперед, то эта зима никогда не закончится.

– А ты пойдешь вперед?

Я кивнул.

– Удачи, Новый! – крикнула Сорока и полетела прочь. У нее были свои дела.

Я должен идти вперед, как все мои предшественники, один. Из самого темного дня зимы, сквозь снег и метели, сквозь холод и лед, шаг за шагом – в весну. В тепло, ручьи и цветы. К пчелам на вербе. А потом, в томящую жару лета, и в приятный осенний дождь. Я исчезну к самому темному зимнему дню... Исчезну навсегда, чтобы пришел другой.

И я не хочу идти, чтобы в конце исчезнуть, но если я буду стоять, то эта зима никогда не закончится.

Я делаю шаг...

Тропы

Они когда-то были нашими братьями, а потом наши тропы разошлись

Они пошли за людьми. Эй, друг, чем тебе так приглянулся костер? Разве жареное мясо вкуснее сырого? Разве поводок приятнее свободы?

Нам не понять.

Так же как и они, шагаю по снегу впереди людей, не понимают нас. Не понимают нашего голода, нашей свободы, нашего леса. Человек отпускает их, но они так давно потеряли волю, променяв на преданность, что даже не думают о том, чтобы вернуться домой.

Да мы их и не пустим. В злой хватке я нападу и буду драться. Кажется, что нам делить, и я, и они – охотники. Но нет, это мой лес. Я не убиваю ради забавы. И им не позволю.

Нашей войне тысячи лет. Она не закончится никогда. Мы не простим собак за то, что предали нас и стали преданными людям. Они не понимают нас – за смелость.

Зима, они придут снова. Будут вычислять, кого убить по следам.

Хорошо, есть птицы. Они видят все издалека.

– Слышишь, Сорока? Придут собаки – скажи.

Когда рождается новый день

По белому снегу следы ведут вдаль. И среди темных, густых елей – будто другой мир. Будто, стоит шагнуть, а там – тепло. Там солнце. Там весна.

Вокруг никого, вокруг тишина. Но я слышу шаги, я знаю, что мимо меня идут все туда, вперед. К теплу. Мимо хлопают крылья, и я слышу смеющийся голос Сороки.

Но нет никого. И только тропа на снегу. Мне пойти по ней? Я поднимаю взгляд к нему. Да, пожалуй. Я не оставляю следов, но шагаю вперед. И там не окно, там обрыв реки. Но там... тепло. Следы подходят к самому краю и исчезают. И я иду по ним, делаю шаг, жду оглушающего чувства падения. Но его нет.

Я стою у огня. Столп тепла и света, приглушенного и приятного. Не раздражающая зверей трескотня костра, но маленький кусочек солнца. Рядом сложены веточки, желуди, грибы, перо... Каждый, кто приходил сюда, оставлял свой маленький дар. Пусть даже это засохший плод дикой яблони. Что мне оставить? Я провожу рукой по неровному камню, и оставляю след крови. У меня нет больше ничего для подрастающего Солнца.

Я сижу у огня один еще долго. Дары прибавляются, но я никого не вижу. Только следы, которые уходят от костра. А кто-то, знаю, чадит и греется, так же как и я. Но никто не

видит другого.

... мы оставляем что можем маленькому огню. Потому что завтра родится новый день. и он будет чуточку длиннее вчерашнего. Чуточку старше. Но чтоб вырасти новому дню, как и мне, новому году, нужны силы.

Пусть дары и невелики, но в них – вера.

Она дает нам силы расти над собой.

Я шагаю от огня, и снова оказываюсь в лесу. Но там, уже играет рассвет. Хоть немного, но раньше, чем вчера.

Зима

Три тысячи шагов вокруг, две сотни крыл. Я скучаю по лету.

Но по оглушающе тихому морозу мне до него не дойти. Дыхание застывает в горле, воздух будто режет на части грудь.

Три тысячи перелетных птиц. Ах, почему бы и мне не улететь на Юг?

Нет, я остаюсь, я стерегу лес. Такая я ... Сорока. Я не люблю зиму. Зимой мир становится черно-белым, как мои перья. Зимой так сильно хочется жить, что становится больно. Зимой приходится оставлять лес и выбираться к людям. Подъедать из кормушек для воробьев, залетать в дворы и искать крошки.

Я вспоминаю осень, и наши разговоры с Деревом кажутся мне выдумкой, сном замерзшего мозга. Мне очень хочется уснуть, но перед глазами – птицы. Те, что уснули зимой. Я знаю куда они летят.

Как греза – мое обещание встретить Дерево весной. Кажется, я забылась... тогда.

Пусть самая темная ночь, пусть зимний костер остался в прошлом, но середина зимы – не легче. Дни длиннее, но не мягче.

О, ягодка шиповника! Хорошо, что ее никто не сорвал!

Хочется остановиться, никуда не лететь. Упасть в такой теплый снег. Не думать о том, почему мир так суров. Почему так беспощаден лес. Не думать о том, почему так трудно дышать, и может ли кто-то это изменить?

Люди прячутся за стенами домов, они создают тепло, дымят трубами. Они пытаются изменить мир... но толку? Земля и ветер все равно находят чем ответить. Находят силы снести неуютные города и страны. Да, что-то меняется. Но бесстрастную душу природы не изменить.

... потому что мы ее часть.

Не изменить ход времен, не задобрить зиму...

Только ... даже не победить – пережить. Долететь до весны, а там с первыми зелеными почками в черно белом мире, сказать «Доброе утро».

Главное, не уснуть. Обжигать себя морозным воздухом, и надеяться, что завтра будет лучше. Двигаться. Искать. Жить. Но... у меня нет больше сил.

Сибирка

... сон, вечный сон. Слушай, Дерево, дай мне уснуть?

Он бесцеремонно стряхнул меня в сугроб. А сверху – пару ягод боярышника с соседнего куста. И как я их не заметила?

Немного, но это еда. Это боль, это жизнь. Мне бы зерна, мне бы кусочек сала. Эх, Дерево, обещание тебе – оно большое обещание, знаешь ли.

Приходится есть мерзлую ягоду, терпеть боль в пустом желудке, обжигающие иглы от движения крови в замерзших крыльях. Приходится делать нелюбимое – лететь к людям.

Я вижу след на снегу, свежую буранницу, и выбираю лететь к реке. До деревни дольше, а там наверняка будут люди. Да, верно – на берегу сидят рыбаки. На льду куча дырок, на льду остатки приманок, мотыль, червяки. кусочек плавника. Не банкет, но маленький пир.

Спасибо, мужики. Даже за рассыпанные хлебные крошки – спасибо.

Я подбираюсь почти вплотную к костру, слушаю разговор.

– ... да, а уху готовить будешь?

– Не, мне Анька котлеты из щуки сделает!

– А я пельмени люблю...

– Мужики, согласитесь, круче вяленой к пиву – ничего не придумаешь!

– Да, а если еще вяленое мяско... олень или козлятинка.

– Ты билет-то хоть на зайца купил, охотник?

Они смеются, а я улетаю.

Всегда забываю, что люди тоже звери, да к тому же хищники. Они едят более слабых зверей, как волки. Только волки шашлык не жарят.

Вот интересно, если бы я ... упала, какой бы я стала едой? Ах да, Сорок же не готовят.

Я возвращаюсь в лес.

– Слушай, Дерево. Я когда умру, хочу стать боярышником. Или сибиркой. Да, точно! Сибиркой! Она меня, да и всех, тысячу раз спасала!

Рассвет

Увидишь теплый рассвет – не верь

Не верь раннему солнцу, на дворе февраль. Не верь, не надейся раньше времени проснуться, не позволяй оживать внутренним сокам.

Еще рано... слишком рано. Как бы тепло не становилось днем, Мороз еще вернется. Он придет ночью, и всех наивных и легковверных накажет. Не повезет тебе, если ты позволишь своим веткам проснуться. Останешься без них.

Право, было у меня так по молодости и юности, когда кора была тонка, а ращума не было. Потеплело в глухозимье так, что снег слипался под лапами лис. Так, что ветки гнулись под тяжестью влажных комков. В воздухе висел гулкий звон тепла и очень хотелось жить. Я тогда скинул снег с веток, позволил потечь соку к почкам... а на ночь лес накрыло звенящей холодной тишиной. Все следы на снегу покрылись жестким настом, а те мои ветки... я их больше не чувствовал.

Теперь о том напоминают только старый кап на боку. И я не верю теплу в глухозимье, не верю ранним рассветам.

Придет время – а оно придет – и вот тогда, тогда я проснусь.

Погоди, Сорока, немного осталось. Немного, слышишь?

Близко, но далеко

Длинные дни – как отрада на сердце

И пусть потом мир снова сковывает мороз, ночь все короче. День прожигает в снегу около стен и корней первые оплывы наста, а из-под снега выступают оброненные кем-то крошки.

День длиннее, и больше времени на поиск еды. Можно лететь дальше, можно надеяться согреться. Можно снова прилетать на берег реки – не в последнем дне жизни – а просто прилетать, садиться на ветку... и ждать.

Дерево молчит. Он близко, но так далеко. Он в весне, и проснется весной. Но как бы длинен день ни был – он обманет, снова обернется вьюгой и морозной ночью.

Пусть так, обманщик-рассвет. Сейчас он просто дразнит нас, дразнит доступностью дня. Но придет время – и мир предьявит этому длинному дню теплом. И тогда...

Тогда ты проснешься и снова будешь рассказывать мне сказки

Вестники рая

Тихо, ослепительно тихо в лесу. Затянувшаяся пауза, но такая живая. пусть ночью по-прежнему холодно, пусть подтаявший снег за ночь сковывает такой крепкий наст, что держит волка. Пусть.

Но днем начинается жизнь.

Под оседающим снегом появляются шишки, в длинные дни просыпаются деревья. Они пока еще только потягиваются, шевелят ветвями. Пока еще даже почки не раскрываются; до этого далеко. Но они уже не молчат, как в морозы. И лететь меж ветвей куда веселее. Даже темные ели стряхивают с ветвей тяжелый груз налипшего снега.

А где-то в глубине леса горит костер, который мало кому видно. У него греются те, кто верит – кто ждет двери в лето. То есть практически все.

день... день стал по-настоящему живым, он наконец-то сравнялся с ночью.

тепло... еще не пришло. Но уже близко. Еще не весна. Еще не солнце. Еще не жизнь.

Но зима миновала.

Слышишь, Дерево? Зима кончилась! Пора просыпаться.

Слышишь, там вдалеке машут крыльями гуси. Слышишь, скоро прилетят жаворонки – их зовут вестниками рая.... эх... Меня бы кто так романтично назвал.

– Да ладно тебе, Сорока. Ты и так хороша. Зачем тебе прозвища?

Сорок сорок

– Эй, Дерево! Проснулся? Ты чего такой вялый? Может, кофейку?

– Сорока-сорока, дай хоть почки выпустить... И кто такой Кофиек?

Птица рассмеялась.

– Да люди пьют ... на вроде желудей, только у нас это дерево не растет. Они те зерна жарят, размалывают и заливают кипятком.

– Какая жуть. Давай без этого, без человеческого.

– А я бы выпила, Дерево... Я бы выпила...

Она расправила крылья и потянулась.

– Знаешь, как сложно было вчера собрать тридцать девять сорок?

Он покачал веткой.

– А... видел, пролетали на границе дня. Что, все уже?

– Ага, – щелкнула клювом птица. – Пролетели мы утром в сумерках, да вечером, очертили границу ночи, и будет она теперь только меньше. А день больше.

Весна пришла, Дерево!

Может, все-таки, кофе?

– Лети, птица, дай проснутся как дереву... Весна только началась.

Кто-то орет

Снег медленно оседал. Сорока еще не решила: иногда ей казалось, что слишком медленно. Иногда – что слишком быстро. Уж очень привыкла она к белому лесу.

Сейчас все очень медленно наполнялось красками. Пока мир расщедрился только на цвета земли: серый, коричневый и бурый, но яркое солнце обещало скоро оживить лес.

– Слушай, Сорока, – Дерево потянулось, – кто это там орет?

– Люди! А то ты не знаешь? Пришла весна, вот и идут в лес поорать.

– Аа... А дальше, тише, еще кто-то орет?

Сорока взлетела, осмотрелась, щелкнула клювом и села обратно на ветку дерева.

– А это другие люди.

– Они-то зачем орут, а? Сорока?

– А они с первых орут, Дерево. Ты не переживай, сам знаешь: весна быстро кончится. Да и вообще, чем бы людишки не тешились, лишь бы топор да спички не доставали.

Ее долго не было

Ее долго не было.

Ушел снег, пришла большая вода. Река под обрывом разлилась, угрожая разрушить часть берега. Мутная весенняя вода уносила землю, лед и холод.

Под небом шуршали крыльями перелетные птицы.

От земли шло тепло, по веткам расходились соки. Ее не было. Раскрылись почки, на ветках появились листья. Зацвела и отцвела сибирка, подружились и вывели птенцов перелетные да зимовалые.

Сороки не было.

Уж и тетерева начали клевать бруснику, что осталась от людей. Черника осыпалась на голубой мох, а рябина устало опускала ветки под тяжестью ягод. Вместо лиловых всполохов кипрея – давно пух и перья осени.

Первые заморозки накрыли мир.

Кто знает, где она?

Дерево вертело ветками человеческую шляпку для связи с миром, найденную прошлой осенью. Начать что ли снова рассказывать истории диколесья? Вдруг она вернется?

Вдруг...

Пути ведут к корням

– Сорока? Сорока?

Где эту пернатую крылья носят? Совесть у нее есть?

Ведь на свете, на краю Диколесья, живут люди. А люди, они того, мир наш не любят. Когда-то они и вправду жили на краю, но как-то быстро сделали этот край слишком большим, слишком легко добираясь до сердца леса.

Говорил я ей, чтоб внимательней была... Люди сорок не любят. Да люди никого не любят... задымили-убили полмира.

Эх, Сорока... говорил мне Дуб, говорила Елка – не призывайся, Дерево, к тем кто без корней. Кто знает, куда их занесет?

Тетерева говорят, видели людей. Ох, не к добру это.

День кончился, скоро новый день.

Я говорю в прозрачное небо, в звезды, что отражаются в реке:

– Пусть откроются пути для тех, кто может вернуться.

И в ночь поднимается туман от реки.

он скрывает поля и стоги сена, прячет мир от людей. Но в его мягкой мгле любой зверь или птица найдет дорогу домой.

Утром загорается рассвет, и свет мягко пробивается сквозь водную взвесь, медленно стирая туман, оставляя его лишь в узких оврагах.

Над головой шелестят крылья.

– Сорока?

Крылья – но не только ее зашуршали в небе. Утки летели прочь с озера, где скоро начнется охотничий сезон. Им туман тоже сослужил добрую службу.

Но кое-то сел на ветку. Удивительно, сколько радости от этих черно-белых перьев.

– Сорока?

– Ну привет...

Отворачивается, ворочит клювом. Не смотрит. Или боится смотреть?

– Ты где была, крытая?

– Ну.... так...

Вот как ее понять?

Не смотрит, но к веткам прижимается. Не выдерживаю:

– Да что с тобой не так, птица?

Она молчит. А ведь обычно не умолкала.

– Что случилось? Отвечай, или скину с ветки.

– Ну... многое...

И снова молчит. Я бы стряхнул, но в тумане раздались шаги. Мягкая поступь лам, тяжелая походка, легкие нити корней. И все – к моим корням.

– Туман звал нас сюда? Раз так, то мы пришли. О, Сорока! Помню, виделась, когда снега таяли. Ты где пропадала?

Волче уселся у моих корней. И не только он.

А моя птица виновато опустила голову. Ладно, не буду ее

стряхивать. Послушаю...

Сорока

Не хочу ему рассказывать. Но что поделать? Внизу сидит Волче, а где-то над туманом, на высоте, недосягаемой для охотников, летят китежские гуси.

Все началось весной.

Уже такой далекой весной...

Или прошлой осенью?

Наверное, именно тогда все пошло не так.

Когда он нашел чертов телефон, а Лиса позвала меня ... вернее, попросила пару проводов из моего гнезда. Видела рыжая, как в моих коготках они приносились. Только толку не было – телефон не работал. Но мне впервые пришлось общаться с Деревом.

Говорила мама да подружки – не привязывайся душой к тому, кто летать не может. Но что поделать? Что тогда, что сейчас: смотрю и думаю – а делать-то что?

Если зависишь от его мнения. Если хочешь вернуться, но...

– Там горели леса.

Дерево молчит. Все знают, что горели – дым по всему Диколесью стоял.

– Ну а ты, Сорока? Ты улетела?

Киваю.

Он вздыхает, шевелит листьями. Вроде как – что такого?

– Там другие деревья горели, а я улетела...

Тихо говорю, и ужасно признаваться в трусости. В том, что возвращаться тоже было страшно – вдруг огонь добрался до Диколесья.

– Там другие деревья горели, понимаешь? А я ничего не могла сделать. Просто улетела. Потом вернулась... а там, в поле, огня гуляют по сухой траве.

– Это люди опять пал по своему полю пустили, – Волче был хмур. Интересно, чего это он из Китежа ушел?

Интересно, что скажет Дерево, после того, как услышал, что я сбежала из тех лесов?

Но он лишь мрачно проскрипел:

– Люди.

– Люди.. – Волче посмотрел в чистое сейчас небо.

– Давайте не будем о людях, – неожиданно сказала Большая Медведица. – Они тут мне такое предложили...

Большая Медведица

Усталость пришла к осени. Братья и сестры уходили из горящих северных лесов, и не всем находились места на других лесных просторах. Кто-то выходил к людям, я же держалась от них подальше.

Вот только малыши мои играли с пришлыми, которые не знали где места спокойные, а где опасные.

В тот вечер я не нашла Малышку. Она, как все подростки, уже грезила себя взрослой и всю пыталась пройти сама, не имея ни сил, не знаний. Только самоуверенные лапы, по чьим следам я пошла.

Медку, ее брату, я сказала сидеть в берлоге, и зашагала за знакомыми когтистыми отпечатками на песчаном берегу. За мной оставался только один след: я шла ровно в ее шаги.

Чем дальше я отходила от сердца леса, тем сильнее подгоняло меня беспокойство. Впереди маячила куча веток и бревен – старая бобровая плотина. Еще издали я услышала знакомый голос, и рванула так, что тонкие кусты предпочитали разбегаться на моем пути. Кто успевал.

Медвежата были там.

Сначала я почувствовала кровь. Не человеческую – родную. И только когда увидела разодранную в лохмотья лапу Малышки, которая пыталась вырваться из капкана, я зарычала в небеса.

Наверное, будь рядом человек, я бы его разорвала.

... моя Малышка пыталась вытащить оступившегося Новенького. Но и его не вытащила, он так и ныл, попав лапами за бревно, и сама попала лапой в старый капкан. Даже я не смогла его открыть. Ржавый механизм требовал тонких, проклятых людских лапок. Хитрых и слабых. А рвать силой – так это и лапу Малышке оторвать можно.

Новенького я вытащила быстро, и он просто поскуливал на полянке. А вот Малышка...

Я пошла к вырубкам и просекам. Как назло, никого там не было. И в бору, где поднимались белые грибы, было пусто. в малиннике, и в зарослях осины, и у охотничьей избушки на кордоне... И только в брусничнике у дальнего края мелькнула тень.

– Стоять, Человече!

Он остановился. Щуплый, как для меня – невысокий, со светлыми глазами и усталым взглядом.

– Ты ставил капканы?

Он показал мне ведро с красной ягодой.

– Я бруснику собираю.

– Пойдем.

В небе собирался дождь. Я спешила – надо еще вернуться в Диколесье.

Он шагал за мной. Боялся, наверное. Но мне что с того? Главное, не было от него ни запаха пороха, ни запаха металла.

– Вот.

Мы пришли к Малышке, я – полная сил, злая, вот а Человече выдохся. Но как увидел капкан, так даже в его взгляде сверкнула злость.

Он долго ковырялся, ругался, кричал что-то про свою мать. Но все же, как раз когда начали капать крупные холодные капли дождя, раскрыл железные зубы.

Малышка просто упала мне в лапы. И начался ливень. Человече огляделся, и добежал до большой ели, спрятался под тяжелые ветки.

– Мам, нам бы тоже...

Мы с Малышкой укрылись там же.

Он задремал первый. Потом Малышка. Я не спала. Слушала дождь. Очень хотела пнуть его, когда он ко мне прислонился во сне, но я не стала.

А утром, когда дождь кончился, по всем законам доброго мира, я спросила, чем я могу помочь человеку.

Он помялся немного и спросил:

– А можно селфи сделать?

Вот люди эти просто обезумели, вот что скажу. Шиш ему, а не селфи. Пусть радуется, что живой.

Дерево

Чего уж она мне рассказывает... Будто я не застал пожаров за свой век. Будто не кричал в небеса. Будто не уходил молоденьким деревцем из родных мест. Только вот у меня лето – что седмица для птицы. Для нее одно лето – это много. Я успел нарастить кольца и кору, успел пережить все глупости и ошибки.

– Сорока, пройдет оно все. Однажды ...

Внизу негромко рыкнул Волче.

– Расходимся, дикие. Расходимся. Я призову туман снова и устроим Большую сходку чуть позже, и послушаю ваши истории.

Ушла Большая Медведица, Лиса и сам Волче. И сколько-то мелких животных, и птиц. Сорока с Деревом не видели, но слышали затихающие шаги.

Туман рассеялся и они остались одни.

– Послушай, Сорока. Однажды пожары закончатся. В те места снова придет лес. Снова вырастут Дубы, Осины и Лиственницы. Пройдет время...

– Когда вырастут Осины, и уж тем более Дубы, меня уже не будет.

Это было правдой. Только я не хотел этого признавать. Наше время – разное. Мы – разные. Мы оба Диколесье, да только пути иные.

– Вот поэтому я и не хотела возвращаться. Я там огня насмотрелась. Там и птицы, и деревья... Да и без огня – вот проснешься ты весной, а я не перезимовала. Для птиц – обычное дело. Улетели на верхнее небо, подумаешь! Но ты-то останешься!

– Я останусь. И ты – оставайся. Если хочешь – проси Диколесье. Оставайся, Сорока.

Ведь правда – есть Волче и Медведица, есть другие, кто живет дольше, чем отмеряно. Те, кто оставил часть себя в сердце леса – Диколесье их оставляет. пока они сами хотят быть здесь.

– Сорока?

– Я... я не знаю...

Я вздохнул.

Однажды пожары в сердце закончатся. Мы проснемся и пойдем – между нами нет разрывов времени, но время есть у нас.

Снова вырастет лес, и мы его увидим.

И снова придет весна.

Однажды пожары закончатся...

Три красных ягоды

Рябины опускали ветви почти до самой земли. Но это ненадолго – тяжелые гроздья ярких ягод обещали суровую зиму. Как и невиданно обильный урожай яблони-дички.

Снова зима, снова холод и борьба. Зима...

К Сороке протягивали свои ягоды боярка и калина, шиповник и ежевика. Брусничка все жаловалась на людей, которые то мало ее замечают, то много трогают.

– Расскажешь на Большой Сходке, милашка, – улыбнулась птица. Там всегда есть кому рассказать.

Грусть, тяжесть и сомнения. Скоро зажгутся огни, которых люди не увидят. Последний луч солнца последнего длинного дня останется огоньками на листьях, и первую длинную ночь осветят желтые иглы лиственниц, солнечные листья берез и осин. И только ели как днем, так и ночью будут стоять тенями. А потом ... потом это будут просто осенние листья. Красивые, но беспомощные.

Ночь Равноденствия – светлая, солнечная. Каждый лист осветит туман сохраненным лучом солнца. Ночь Равноденствия – время перемен, время Большой Сходки.

Сорока посмотрела на небо сквозь ветки леса. Говорят, если поймать первую снежинку на Равноденствие, и принести вместе с тремя красными ягодами – калиной, брусничкой и рябиной – то можно загадать желание.

Но вот можно ли? Ягоды Сорока собрала и все чаще по-сматривала в небо. Ветер стряхивал с неба мелкий холодный дождь, который запросто мог превратиться в холодную белую пыль. Сорока не отрывала взгляд от серого неба. Она сидела на самой верхней ветке березы и ждала.

– Ай! – что-то острое и холодное попало в глаз, и она уронила веточки с ягодами. Они падали сквозь ветки, и помялись да рассыпались, прежде чем потеряться в мокрой листве.

– Вот же я недотепа...

Она спорхнула вниз и принялась грести лапами листья. Или лететь искать ягоды снова? Но брусника не близко, да и ближнюю калину уже обобрали другие, кто тоже собирался на Большую Сходку.

– Не это ищешь?

Сорока подняла голову и увидела ягодки. Целые, целехонькие.

... говорят, когда-то он выходил к людям, говорил с ними от имени Диколесья. Говорят, он так делает и до сих пор... если находит достойных людей. Говорят, дикие звери и так справляются и чувствуют присутствие Сердца Леса, что ему нет нужды принимать видимый облик, и потому он не утруждает себя создавать его отдельно.

Как бы то ни было, перед Сорокой стоял человек. Но он был Медведем. Был Волком. Был Сорокой и Орлом. Был Оленем и Барсуком. Сотня обликов рябью пробежали по од-

ному, и нельзя было оторвать взгляд, потому что видеть Сердце – это честь.

Он крутил в лапах ягоду и смотрел на птицу.

– Три ягоды да первая снежинка. Сорока, да ты чего-то хочешь.

– Я хочу остаться... – слова дались ей нелегко.

– Хочешь ли? – он переспросил мягким рыком Медведя. Сердце не обманешь... Сорока вздохнула.

– Нет. Я хочу лететь.

– Так лети, птица! Чего ты боишься?

– Я ... – это признать было еще труднее, – я боюсь, что не смогу вернуться.

– Сможешь, – уверенность в его голосе была невероятная, – только вот нельзя возвращаться всюду. Ты можешь сновать меж мирами, как все птицы, но уж если выберешь дом – туда непременно придешь. А если не знаешь куда – то и не вернешься.

Сердце присел рядом и Сорока почувствовала в его взгляде и летнее тепло, и зимнюю стужу, таянье льда на реке и буйство грозы.

– Понимаешь? Ты должна выбрать сама, но если решишь – то в Диколесье всегда найдется место для тебя, пока в тебе есть хоть немного Диколесья. Я не дарю долгую жизнь... ее вы, дикие, выбираете сами.

Луч солнца мазнул сквозь облака кистью по веткам деревьев, по птице и по ее собеседнику... и как только солнце

ушло, пропал и Сердце. И только три ягоды: калина, рябина и брусника остались лежать на листве. Но были они связаны травами, на манер людских бус.

Сорока подняла их клювом, надела на шею.

Все было просто – чтоб остаться надолго, надо было отказаться от простой жизни и выбрать сложную, не предав при этом Диколесье внутри себя.

– Всего-то, – птица поднялась в небеса. – Я уж думала, нужна будет жертва какая-то.

С земли наблюдал за ней Сердце Леса – вечный его хранитель. Ему никогда не нужны были жертвы.

Сердце ведь не обманешь.

– Пойдем, Волче, пора собирать Большую Сходку

На лес снова опускался туман...

В этом городе зажигали огни

В окнах – свечи, во дворах и рощах – костры. Глубокий ультрамарин неба снисходительно смотрел на мимолетные огни и листья. В Китеже горели огни. В Китеже было тепло.

Она шла по улочке меж новых домов. Кому-то улыбалась, кому-то говорила доброе слово. Этот город будет жить, даже если с ней что-то случится. Этот город сегодня будет праздновать без нее... она должна пойти в Диколесье. Она должна была утром вернуться домой, в Китеж.

Мать Гусей чтит птичьи законы и летала меж мирами, но вот уж как год строила свой дом. Да, ее взрастило Диколесье. Да, она идет преклонить колено перед Сердцем Леса. Да, без Волче и Сороки многого не было в ее жизни.

В сумрачном лесу поднимался туман скрывая одни пути-дороги и открывая другие. Поднимался туман, показывая знающим путь на Большую Сходку. Так хочется увидеть диких друзей... Она шагала по земле, а в небе, над головой, шуршали крыльями птичьи стаи. Они соберутся все на берегу озера. Кто-то принесет по три красных ягоды – чтобы исполнить желания.

Ей не нужны были ягоды

Только немного сил

Просто посидеть у костра... согреться... и вернуться домой.

Для многих в лесу – Большая Сходка – новая страница в жизни. Начало новых историй, которые еще только будут рассказаны. Но для нее этот осенний день – один из многих. Ей просто надо немного тепла – согреть руки и сердце. Ей надо немного сил – вдохновлять других лететь.

Лес ждал ее, лес ее помнил. Лес удивлялся тому, как каждый раз она умудрялась к осени забывать, сколь много у нее на самом деле сил. Но раз ей надо напоминать теплом – пусть будет так. Она легко одарит потом других.

Одарит теплом, заставит летать.

Отдохнет и расскажет людям новые истории, что прозвучат на Большой Сходке

... Ее город спал. В густом утреннем тумане под ногами хрустели только угли костров. Спали свечи в окнах, спали фонари после праздника.

Китеж спал и ждал рассвета.

Солнце взойдет – и надо будет сделать море дел.

Истории о людях

Йолик

Эту историю мне рассказал дедушка.

Помню, как с любопытством наблюдала, как каждый вечер он доставал из морозилки небольшого окунька и выносил его на порог.

– Деда, это ежику? – спросила я как-то

– Йолику, – он улыбнулся в ответ, а я надула губы. Как будто он смеялся над тем, как я говорила «з» вместо «ж».

– А кто такой Йолик? – все-таки спросила.

И получила в ответ историю, которую помню до сих пор.

Те нелегкие времена, когда страна менялась, а люди в городах выходили на улицы, чтоб продать что угодно, они с бабушкой застали в деревне.

Пенсии задерживали. Дров купить было не на что, и дедушка вставал на лыжи, брал санки и шел в лесок собирать валежник. Жгли куски старого сарая, обдирали и отправляли в печь деревянную крышу омшаника.

Сложно купить сахар, а вот с мукой было проще. Паи в полуразвалившемся колхозе давали зерном, и мельничка в хозяйстве была. Как всегда, спасал огород.

И все бы ничего, да дети учились в городе. Сын на первом

курсе, дочка на третьем. Деньги нужны были. К зиме стало особенно тяжело, потому что топили в городе плохо, на хорошую обувь денег не хватало. Да и поесть... Спасали заготовки, которые бабушка передавала с попуткой, но и этого не доставало.

Дед сначала заколол свинью. Большую часть туши распродал, только совесть не позволяла много брать с таких же стариков. Выручку, как и часть продуктовых талонов отдали детям.

Оставались в хозяйстве куры. Немного, пара десятков. И дедушка договорился как-то с кафе в десяти километрах, и продавал им яйца. Может, владелец просто сжалился над стариками, не знаю. Но дедушка относился к этому со всей серьезностью.

Только однажды утром он недосчитался одной птицы. Обошел загон, сарай – ее не было. На следующий день увидел в поле черные перья.

Собаки? Нет, вокруг ограды ни подкопов, ни лазов. Может, сама курица перелетела через сетку? Такое бывало, но редко

На всякий случай он все же поставил пару капканов и проверил старое ружьишко. Наутро пропал рыжий петух. И что за черт? Нет бы взял рябого, молодого и бестолкового. Так нет, исчез «патриарх».

Но быстро нашелся – за оградой, в поле с прокушенной головой. Дед отогнал собаку, которая еще не успела попортить

птицу. Посмотрел на тушку – ну точно, характерные следы на голове, и крови нет. Хорь или куница. Вот же ж. Он повертел птицу – почти целая. Занес во двор, отрубил голову.

–Ощипай, мать. – Бабушка взяла тушку и спросила:

–Кто?

–Хорек.

–Не лиса?

–Нет. Но повари подольше.

Бабушка ничего не сказала, только перекрестилась.

На ужин был куриный суп, почти роскошь. И вкусно, и грустно. Заперев птиц в сарае, дедушка обошел кругом, проверил, что нет щелей. Обновил наживку в капканах.

Утром все птицы были на месте. И через пару дней тоже.

– Может, ушел, Володь?

– Нет, он так просто не уходит. – говорил дед и продолжал ставить капканы. На улице стояли морозы, снегом заносило узкие дороги. По телевизору показывали "Санта-Барбару".

Зверек не ушел – на четвертый день погибла рябая несушка, молодой петушок и старая черная курица, которая уже третий год садилась на яйца и выводила цыплят. Они просто лежали утром на полу.

–Володь, кто нас проклял? Кур-то осталось всего ничего, пенсию не платят, в стране вон что твориться? Кто нас проклял?

Дедушка обнял жену. Слов не нашел.

Просто отправился ночевать в курятник. Сел на пороге и принялся следить.

«Спать не буду, а тварь поймаю»

Час, два, три... Дремать хотелось невыносимо, а стрелка на старых часах еще даже до полуночи не доползла. «Самая длинная ночь в году» – вспомнилась строчка из календаря.

Да много чего приходило в голову. Чем еще заняться, сидя в засаде?

Но больше всего было от беспомощности и несправедливости – и в стране бардак и беззаконие, а тут еще природа последнее отбирает. И сделать ничего не сделаешь: кто пенсионера на работу возьмет? Да и идти некуда. Хозяйства и так почти не осталось, только птица. Он неожиданно для себя крикнул в темноту:

– Выйди, тварь. Покажись. **ПОКАЖИСЬ, ЧТОБ ТЕБЕ ПУСТО БЫЛО!**

Где-то за стеной щелкнул капкан.

Дед выбежал, и с ходу схватил не ружье – лопату. Тварь билась, но не могла вырваться. Он нашарил в кармане старый фонарик. В металлических зажимах бился хорь. Большой, но худющий.

– Ух я тебя! – Дед замахнулся и замер. Хорек смотрел как-то по-человечески, грустно. Пришлось поставить лопату у стены и сесть.

– Ну и что делать, а? Я б тебя кормил, если б ты кур не жрал. Мышей разве мало? Эх...

Дед прошел по снегу вдоль следов к заброшенному соседскому сараю. Сбоку в старой куче соломы он услышал писк. В блеклом свете фонарика он увидел выводок.

– И ты детей кормишь, Йолик, – он вздохнул. Вернулся, дошел до ледника и взял мелкую речную рыбешку, положил перед хорьком.

– Держи, Йолик. Только больше не воруй, убью ведь.

Хорек сверкнул глазами и убежал.

– Ну что, поймал? – Спросила бабушка.

– Нет, договорился.

Должно быть, она подумала, что он так отшутился и дальше не спрашивала. Куры-то погибать перестали. Зато пропали все мыши и крысы. И как-то дела на лад пошли. И жить легче стало. И весна рано наступила.

Главное – не забывать оставлять рыбку.

– И все, дедушка? Ты его и сейчас кормишь? Йолик до сих пор живой?

– Да, малышка, кормлю. Он иногда со мной на рыбалку ходит. Приезжай зимой, посмотришь.

Я не поверила. Хоть и маленькая была, понимала, что не может зверек столько лет жить. И вечером кусала губы, щипала руку – лишь бы не уснуть. А когда все уже спали, спустилась к порогу и принялась ждать. Глаза слипались, но я крепилась.

И вдруг, тонкая черная лапка хватать, и стащила рыбку. А

в темноте сверкнули глаза.

– Йолик, – тихо сказала я. Зверек обернулся, замер, а потом побежал по своим делам.

Королевская рыба

Мы ехали от города к городу, посещая крупные летние ярмарки. Простая работа, простая жизнь. Я выкупил Эми у одного достаточно вредного князька – я тогда там лекарем подрабатывал. Ну и влюбился в ведунью-прорицательницу. Пришлось влезть в долги... да. Но ее свобода того стоила.

– Ланс? Смотри, там люди.

И правда, у края дороги стояли два мужика. Простые работяги как на вид. Летом таких можно встретить на дорогах Королевства – свободные, но в чем-то неуспешные в городе люди искали работу по селениям да ярмаркам.

Я остановил нашу неказистую повозку. И нахмурился. Эми прикрыла лицо платком.

– Вы на ярмарку к Черноозеру? – голос хриплый, усталый. – Нынче на дорогах небезопасно, позволите с вами? Да и мешки...

Эми незаметно кивнула – она хорошо людей чувствовала. Я спрыгнул, помог примостить мешки к нашему товару. До деревни оставалось немного, и я разрешил нашей кобылке идти медленным шагом. Мужички шли поодаль да переговаривались о рыбалке.

– Странные они, – Эми перебирала пальцами нити, сплетая незамысловатое очелье. – Вроде и не злые, но странные. И больше ничего не сказала.

К Черноозеру и Дейн-реке мы добрались к вечеру. Ярмарка на Илиндень готовилась знатная. Мужики поблагодарили нас и ушли.

– Ты чего, Ланс? Ждал, что денег дадут?

– Не денег, но... – хотя бы более выраженной благодарности. Хоть вежливых разговоров и рассказов, как водиться. Но нет, видно, мордой не вышел.

Хотя вру – денег я тоже хотел. Я отдал долг за Эми, и остался совсем на мели. Даже эта старая повозка с ключей – уже была чудом (как она к нам попала – отдельная история).

Я хотел показать Эми все. А на Дейн-реке и Черноозере ловили легендарного дейрлина – здоровенную усатую рыбу, золотистая икра которой стоила целое состояние. Поймать да засолить – и можно хоть до столицы везти. И жить всю зиму и, может, даже свою лавочку открыть.

Неудивительно, что я тихонько спросил трактирщика, как у них порыбачить-то?

– Ты после Илинденя-то на яму не ходи, сударь, – покачал головой тот.

– Почему? – В каждой деревне есть свои приметы и суеверия, некоторые – вполне понятны, а другие – именно что суеверия и пустые страхи. Трактирщик нахмурился.

– Да пустое все! Сейчас никто стариков не слушает, да и пропадают парни... Раньше как было, сударь? Раньше-то поймают кого на Илинден или после с самоловом аль с сетью – так снасть на людном месте топором порубят, парню

погрозят – “ночь-то не ходи за ограду, оглоблей получишь”. А сейчас? А сейчас гневается дейрлинь, гневается. Нельзя его злить.

Эми уже была в комнате, а я все еще сидел в зале, прихлебывал пиво.

– Тоже порыбачить хочешь? – рядом примостился один из попутчиков, с растрепанной короткой бородкой. – Айда с нами? Нам третий нужен, на лодку уже сговорились.

Он поймал мой взгляд в сторону трактирщика.

– Ты на него не смотри – он сказками трещит да пивом торгует, работа такая. Есть, мол, у них молва такая: ежели кто станет после Илинденя рыбачить сетями или самоловами – того дейрлинь утащит на дно, да сделает своим рабом. Ну сказки же для деревенщин! Придумали, чтоб меньше дейрлиня ловить, чтоб он дороже стоил! Смотри, вижу, денег тебе надо. Если не струсил – мы утром с рассветом пойдем.

Зачем он позвал меня? Сказал, что из благодарности, но...

– Не ходи, – буркнула Эми, когда я вернулся. Во сне она крепко прижалась ко мне. Я смотрел на нее – красивая ведунья. Травки, простые заговоры, очелья – и гадание на хрустальном шаре. Ну, мы не графья – мы нашли шар попроще, из заморского камня, прочного, прозрачного, но втрое дешевле от хрусталя.

Будущее – оно призрачно. Что Эмили хорошо удавалось

– так это невесомые предчувствия и образы. Я ей верил.

Утром мы, как и многие, поставили небольшую палаточку на площади – сухие травы с предгорий, золотой корень, простенькие настои, страстный корень... И плетеные очелья и пояса с простым обережным знаком. И Эми с гаданием за небольшую цену.

Попутчиков я не видел – да и не до них было. Первый, самый суматошный день ярмарки – куда уж тут до посторонних мыслей? Торговля шла – не сильно, но шла. И к вечеру повозка слегка опустела, а кошельки наполнились.

Я пересчитывал деньги, но выходило все равно немного – земли не купить, лавочки не открыть...

Дверь в зал открылась, и в трактир ворвалась сырость и холод. Промозглый туман посреди душной летней ночи.

– По-мо-ги-те-е... – упал на порог один из попутчиков и замер. С него ручьем текла вода и он беззвучно открывал рот и тарасил глаза, будто с потолка на него смотрел демон. По губам читалось все то же “помогите”, но ни звука не было слышно.

– Вот непутевые, – вытер руки о фартук трактирщик. – Слышь-ка, сударь-лекарь, помоги его в комнату затащить, авось отоспится.

– Что это с ним?

Трактирщик поморщился. Не хотел говорить.

– Нечего на Черноозеро было ходить. Не бывает просто сказочек. Да вы спите, сударь, спите! Ярмарка еще пару дней,

авось повезет вам.

На утро в трактире подавали рыбный пирог – вкусный, ароматный, душистый. Эми, однако, морщила носик. Мол, тиной пахнет, тошнит от запаха.

– Это дейрлинь, сударыня. С ледника кусочек взял, пробуйте! Или у вас... – он красноречиво опустил взгляд на живот. Эми зашлась румянцем и закрыла лицо руками. Но трактирщик покивал, принес молока и больше не подходил.

– Как странно, Ланс, – она прошла по ярмарке и вернулась. – Говорят, еще кто-то из пришлых пропал, но никто не ищет. Давай уедем раньше? Монет нам хватит, доедем до Богорода – там ярмарка на другой седмице.

Мы собрались и уехали вечером – мне тоже странно было в этом селении. Перед отъездом я оставил трактирщику немного трав для неудачливого рыбака. Тот метался на кровати в бреду.

На дороге нам встретилась старушка, идущая к Черноозеру.

– Не знаете ли вы, молодые люди, гадают аль колдует там кто нынче?

– Я могу, – Эми спустилась сама и поставила шар прямо на землю. – Садитесь, бабуля. Для вас – просто ответ на вопрос, тем более чувствую – он у нас похожий.

– Да сынок ушел с год назад, заработать хотел, но пропал, пропал...

Эми взяла старушку за руку и коснулась шара.

... Давным-давно у Черноозера и Дейн-реки не жили ни люди, ни эльфы, ни полурослики – никто. Эти места были свободны. Выходили на берег озерные духи, гуляли меж деревьев ветрами нимфы. Но вот пришли искатели золота, порубили лес, поставили частокол, срубили избушки. Золота в Дейн-реке не нашли, но поймали дейрлина. Огромную рыбу с нежным мясом и икрой, которая не уступала осетровой. За пару лет рыбу ловили сетями, самоловами – да всем.

А потом пришел он, и сказал – не ловить, зло будет. Смелялись сначала искатели да рыбаки – что им сказки... пока первые трое не утонули.

И вторые... и многие...

Прошли годы – поселение на Черноозере давно стало известным местом, и сказки вокруг рассказывали разные. Мол, два рыбака ставили сеть в Илиндень, да зацепились шнуром за куст. Лодка-то и перевернулась, и оказались парни в подводном царстве. А там – ужас-то какой, дейрлини – огромные – и на людей охотятся, зубами да хвостами бьют, пытаются до боли, до крика. А потом вдруг – раз, и на берегу оказались несчастные, но слова сказать не могут, и чувствуют, будто хвост вместо ног, да идти сил нет. И бросались обратно в воду... Кто на берегу оставался – от лихорадки якобы погибал.

С тех пор поубавилось-то охотничков, но все равно каждое лето находятся смельчаки.

Трактирщик точил нож.

Хорошо, что девчонку-ведуницу спровадил – хорошенькая, жалко б было. Да и икринка у нее внутри плавала. Она, конечно, видящая... Но что увидит-то? Толщу воды и рыб? Что из этого поймет? Что утонул парнишка? Ну, всякое бывает, рыбачек.

Он хорошо знал людей: даже такие чувствительные особи, уехав прочь, все забудут. А ему – ему надо и своих охранять, и интерес приезжих поддержать.

Он поднялся в комнату – на кровати лежала здоровенная рыбина.

«Красавец какой» – пробормотал он, таща рыбу на кухню. Почистил, разделал, достал икру. Посолил, тушу отнес на ледник – ярмарка закончилась, и завтра у него соберутся местные друзья, товарищи и родные.

Вот поднимется тесто, растопится печь и начнется потеха.

Это когда-то давно они мстили людям за убитых и съеденных любимых, друзей, мальков.

А сейчас... Все дейрлини, как и он, очень полюбили пироги с человечинкой. Только вот людей под водой разделять неудобно. Куда как проще обратиться, на берег вывести, да спокойно так пирожок сделать. Так-то духи и демоны в предках ходили, на время облик сменить да на сушу выйти – не сложно.

Иногда, совсем изредка – продать пару копченых "рыбин"

да пару баночек золотистой икры приедем торговцам за баснословные деньги. Чтоб хотели еще, да ехали, слушали легенды-сказки и вопреки пробовали ловить....

Ибо больше всего манит человека, когда наживкой – запрет, страх и почетный приз.

Трактирщик поставил пирог в печь.

А где-то далеко вздрогнула и проснулась от кошмара ведунья Эми. Ланс погладил ее по плечу, и они задремали оба.

Они ехали на другую ярмарку. Говорят, там можно найти волшебную синюю птицу. Кто съест кусочек – будет счастлив.

... а кто не съест – просто будет.

Не стреляй просто так

Ты знал, что для нас не существует тишины? Мы слышим далекий крик птицы, скрип веток рябины под тяжестью плодов, настырный стук дятла и падающую шишку. Перекликание уток на ближнем озере и шуршащую в порывах ветра листву. Плеск воды в ручье и сопение медвежонка в малиннике.

Куда идешь ты, человек? Куда? Мы слышим шаги. Это – не твоя тайга.

Это – наш лес.

Мы жили здесь задолго до тебя.

И будем жить, покуда будет жить лес.

За рекой собирали лагерь люди. Кто-то порой оборачивался, чувствуя чужой взгляд, но вокруг было пусто. Только тонкие нити тумана порой сплетались за их спинами в фигуру.

– Горяинов, ты ружье-то не прячь, дурак. Вдруг все-таки медведь?

– Да поздновато для медведей-то, Пал Славич. Только если шатун...

Мужчины разом обернулись, но никого не увидели.

Тень скользнула в лес, притаилась, и наблюдала за людьми уже издали.

– Мэнрэк, малышка, беги домой!

– Бегу, ака Мэндуни!

Невесомая тень скользнула мимо берез, провела пальцем по мягким иголкам лиственниц. Вслед за братом серебристым лучом заструилась меж сосен, не касаясь налитых, иссиня-черных ягод брусники. Скоро, скоро придет день, Накатча-медведь ляжет спать, холод скует реки. А пока – пока Мэнрэк стоит на поляне около Дагена и Гарпани – детей этого лета.

Поляна спрятана, и дэбрэ —великанам-которые-могут-вырвать-деревья —сюда не добраться. Старик говорит, что дэбрэ убили, разрубили на части иву Хяту. Мэнрэк хочет плакать, но рядом братья и сестры. Старик Хонинкай говорит, надо следить, надо прогнать злых дэбрэ.

Туманные волны складываются в образы, спускаются волнами к реке, к палаткам. Обходят кругом страшные языки пламени, подходят к людям...

– Горяинов, ты точнее замеры делай! У нас времени мало, надо еще успеть спуститься вниз по реке!

– Пал Славич, и так стараюсь! Вы бы помогли лучше! О, смотрите, следы!

Мужчины столпились на берегу – в мягкой земле явственно читался отпечаток тяжелой лапы. Горяинов машинально хватил рукой за плечо – но не нашел ремня.

– Черт, ружье у палатки оставил!

«Идиот. Идиот. Идиот» – читалось в глазах товарищей. Ну а как, все время на себе его таскать? Надо же еще срубленную сухую иву в лагерь принести, на дрова.

Горяинов терпел постоянные придирки – на работу его взяли чудом, закрыли глаза на некоторые прошлые грешки. Вот он и старался. Но сейчас, не смотря на обманчивую тишину, хотелось все бросить и сбежать.

Только куда бежать-то?

– Горяинов, дай ружье, мы с Димкой в лесходим на разведку.

Им некуда бежать. Мэнрэк и Гарпани скользили над поверхностью реки.

Они позвали вчера Накатчу, и медведь прошелся берегом. Предупреждение. Извести злых дэбре в тканевых домиках можно всегда, но Мэнрэк было любопытно. Они такие странные, эти “люди”

– Эй, Димон, не надо в чашу! Аккуратней там!

– Не ссы, Горяинов, у нас два ружья, и у Пал Славича в лагере одно!

Двое дэбрэ ступили на мох, растоптали бруснику. Мэнрэк сжалась.

– Черт, черт! Пусть только целыми придут! И никого там не стреляйте просто так!

Кричал дэбрэ Горяинов, но те, ушедшие в лес, его не слышали.

«И не слышат»

– Пал Славич, вы слышали? Выстрел.

Начальник сморщился, как урюк столетней давности.

– Горяинов, не отлынивай. А то по возвращении турнут тебя с работы. Тихо, разве ты не слышишь? Давай, сюда по весне должны люди приехать, место разрабатывать.

Горяинов то и дело посматривал в сторону леса.

Мэндэк скользила среди белых, белых деревьев. Это глухие дэбрэ начали стрелять и распугали всех.

– Буюндя! Буя! Буюндя! Вот ты где!

Олененок забился меж деревьев и дрожал. Он, юный и любопытный, выглянул посмотреть на диких дэбрэ, вот и попался. С уха капала кровь, и длинная царапина шла по спине.

Мэндэк коснулась зверя.

– Выходи, малыш. Они свое получат.

Димон с другом не вернулся. Горяинов косился на Пал Славича, но тот коротко рявкнул и приказал сидеть в лагере со стажером-пятикурсником. И тоже ушел в лес. Горяинов возмущался, но вариантов было немного. Не бросать же ребят.

– Славич, оставь ружье. Парням оно не помогло. И не стреляй куда попало, а то только разозлишь зверье.

– Не учи ученого!

Мэндэк улыбалась, за ней волной качался папоротник. Ох уж эти люди... Ну ничего, зато Накатча с братьями наестся к зиме. Мэндэк спешила. Эти дикие дэбрэ могли привести с собой сородичей, могли выжечь их дом, как дом сестрицы Экэ. Люди нашли какие-то камни под землей, и ну все пилить да рубить... Вот звери-то! Не зря старшой вещает жалости не знать!

Начальник не вернулся. Студент Митя крутился около Горяинова и с опаской смотрел на высокие сосны и тихую гладь реки.

– Говорил я им —не стрелять просто так... Идиоты.

– Почему? – Митя подал голос.

– Ты в суде бывал? – вопросом на вопрос ответил Горяинов. – Нет? Ну тогда и не спрашивай. Зверь ли, человек... Не подумавши – хорошего не выйдет. Вали к костру, Митяй.

Мэндэк замерла в нерешительности. Осталось-то всего ничего: спустить Этэ и палатку разорвет в клочья. Чего она ждет? Надо убить диких дэбрэ, иначе они сожгут, нападут...

– Там кто-то ходит.

– Ты, Митяй, главное в воздух не пали, а? Патронташ тоже не резиновый. Не кино, ё-моё.

Дэбрэ посмотрел пару раз в темноту, тыкнул в туман ружьем. Неприятно. Мэндэк не любила, когда в нее тыкают. Она кивнула Этэ, и над палатками выросла тень.

Горяинов проснулся в полной темноте:

– Только не стреляй просто так, – раздался потусторонний голос. – Не стреляй.

Мэндэк стоило большого труда звучать как человек.

– Зачем ты оставила ему жизнь, дитя?

– Он не хотел нам вреда, Хонинтай.

Старшой взглянул на одинокого человека на берегу реки. Без связи, без оружия и почти без снаряжения.

– Он умрет, дитя тумана. Не сможет выйти один. Ты – проследишь.

– Я не хочу стрелять просто так, – повторила Мэндэк слова дэбрэ.

Хвойный ветер схватил и швырнул ее на землю, прижал и скомкал. Хонинтай злился.

– Ты однолетка, дитя тумана. Долг твой – хранить лес Дэгэнэ. Но мы – не демоны. Мы не дэбрэ, готовые убить за камни. Мы – вольный народ. Если отпустит его лес, выживет он – таков его путь. Лес Дэгэнэ решит его судьбу.

Я знаю: тишины не бывает. Если замолкнуть, в голове — тысячи слов, которые хочется сказать близким. Сотни извинений и фальшивые «привет».

Зима стремительно опускается в тайгу, сковывая реки и засыпая камни первой крупой. Без лодки, оружия, связи — я один.

В такие моменты понимаешь, что миру все равно.

Если я умру, этот лес, пожалуй, даже обрадуется.

Порой мне кажется, что тайга бесконечна. Лиственницы царапают небо, березы хранят тайны. От холодного тумана першит в горле и становится страшно дышать.

Что случилось с остальными? Дойду ли? Выживу? Я не знаю.

Я просто одиночка в диком лесу

Грибы

Ходили легенды в бору о тех, кто выжил.

Ибо испокон веку шла война между теми, кто рос, и теми кто ходил с ножом.

Побеждал тот, кто мог спрятаться и умереть своей смертью, рассыпаться на споры и дать жизнь другим.

(Как умирали ходоки-с-ножами в бору представления не имели. Но надеялись, что в муках)

И шла война между теми кто прятался, и теми кто искал. И рассказывали старики легенды о выживших, но давно ушедших, кто не попал под нож и прожил дольше одной жизни. Рассказывали, что были они так велики, что прятался под ними и лис, и заяц, и волк.

И дети стремились к свету, стремились к солнцу. Но старики всегда говорили: это война! Прячься во мху! Прячься! Слышишь шаги? Слышишь, как режет нож? Брата твоего больше нет. Прячься...

Поздно.

И все ждали дождей, и те, кто рос – чтобы жить, и те, кто ходил с ножом – чтобы есть.

И шла война, где побеждал тот, кто зорче и внимательней. Война не закончится никогда...

Прячься, слышишь шаги?

Они идут...

– Ой, пап белый гриб! Я его срежу! Можно? Можно?

– Конечно, сын. Нам надо хотя бы на жареху набрать.

Почему не падает небо

Лес, небольшие заливные озера у реки. Сашка бывал здесь с дедом много раз. Но это было давно, в детстве. Сейчас родные места изменились. Пологий когда-то берег зарос, осыпался и украл кусок поля. Само поле давно не паханное, превратилось в луг. И только издали стояли серые от дождей стога сена.

Порывы ветра иногда разрывали свинцовые тучи, и сквозь осеннюю завесу пробивались лучи солнца. Тогда можно было снять шапку, потряхнуть головой и пару минут постоять, ловя неожиданное тепло.

– Стоять, Рик! Стоять! Тупая псина!

Сашка натянул поводок. Хась обернулся, сверкнул голубым глазом, но продолжил тянуть в сторону озера. Спускать собаку парень побаивался – хаски ему отдали уже взрослого, и не знал, как он реагирует на соседских уток, плавающих все. Как учить собак он не знал, помнил только как дед водил у них перед носом кусочком соляной шкурки, только у самого Сашки ничего не выходило. Он дошел до песчаного пляжа. Раньше здесь был крутой берег и дерево с тарзанкой. Но все осыпалось в реку давным-давно. Он привязал собаку к дереву и сел на песок.

По отражению неба плыл тонкие листья ивы, перечеркивая лодочками пятна облаков. Обычный день поздней осени.

«Саня, люби этот мир. Смотри на небо чаще – оно того стоит».

И ведь даже в спортивную секцию внука отдал – на волейбол – потому что там надо всегда смотреть вверх. Отличная дорогая школа-интернат, со спортивным уклоном, соревнования, универ... Сашка увлекся, да и родители к тому времени помирились, и он жил с отцом. К деду заезжал... изредка. Иногда звонил, но если честно – чаще не принимал и сбрасывал вызовы, или отделялся короткими фразами.

Пока не слетел с мотоцикла приятеля. Вдребезги. Пока собирали, пока валялся в больнице, узнал, что нынче он наследник старого рубленого пятистенка в деревне и участка в сорок соток.

Рядом завыл пес.

– Умолкни, Рик. – Сашка поморгал, вытер глаза рукавом. На небо смотреть было стыдно. Почему оно не упало на голову, чтоб наказать его, идиота, Сашка не понимал.

– Санька, у тебя ж собака есть. – Полупьяный дядя Вася подошел к забору.

– Ну есть. – Парень не спешил открывать калитку. Хась, несмотря на размеры и угрожающий вид, был весьма дружелюбной скотиной, совсем не охранником.

– Ну есть, возьми еще. Вон друг в районе привез с севера сучку, лайка породистая. Да только он по вахтам мотается, а собака портится. Ей четыре месяца, с ней уже заниматься

надо. Только это, – он прищурился, – ты денег-то не плоти, Иваныч и так на вахтах зарабатывает. Нечего ему еще давать. А собаку-то возьми, он выкинет псину, жалко. Я б взял, да пью я, видишь. А дед твой на охоту ходил...

Так Саня оказался хозяином веселой лайки по имени Буря. Гулять с двумя собаками сразу – вы пробовали. К счастью, Бурька слушалась и бегала рядом и без поводка.

Он заказал дрова – десять кубов за восемь тысяч. Почему-то вместо колотых привезли долготье и свалили перед воротами. Саня долго смотрел на этот беспредел, отвез и починил дедовскую бензопилу и купил в магазине колун.

– Сань, может, вернешься? Работу тебе нашел, в «Магии спорта»

– Инструктором по фитнесу? – Парень сидел на пороге и смотрел на двор. Надо бы забор еще поправить и законопатить окна.

– Ты чего, хорошая же работа! Хватит сопли на кулак наматывать! – отец попытался быть резким, но строгости не хватало.

– А может, я гусей хочу выращивать, как дед?

Отец терпеть не мог тестя и сразу вышел из себя:

– И помереть на картошке? Или спиться, как местные? Подумай, Сань. С карьерой в волейболе, конечно, уже все. Но жизнь-то не закончилась...

– Вот именно, – сказал Сашка и бросил трубку.

Почему жизнь не закончилась? Может, правда, гусей заве-

сти? Почему он выжил? Почему не звонил чаще? Почему...?

– Да идем гулять, идем.

Он взял собак и вышел. Зачем он остался в деревне – Саня и сам не мог понять. Просто когда ему зачитали завещание, он рыдал. И сразу поехал смотреть свое «имение». Серый от времени сруб, старый шифер на крыше, но новые пластиковые окна. Чистый двор с увядшими клумбами. Новый птичник и небольшой искусственный пруд – чтоб не гонять птиц на озёра за деревней.

Гусей и уток Саня не застал – пока он валялся в больнице, отец продал их за копейки соседям. Парень ходил по пустому двору, пинал порог и внезапно для себя решил остаться здесь. Просто так. Деньги были – он хоть и гулял, но поднакопил со спортивной карьеры. Отец тогда ничего не сказал, решил, мол, оклемается парень – вернется.

Только куда там – Сашка заказал дрова, металл на крышу и делового леса. Он и сам не знал, зачем ему здесь. Но не мог поднять взгляд.

Кончался октябрь и местные птицу уже не выпускали. Да и по озерам только недавно перестали кататься охотники и стрелять пернатую дичь (иногда прихватывая и домашних уток). Он уже привычно спустил собак.

Те метнулись вокруг близлежащих деревьев и рванули к озеру. Хась дал два круга и замер на другой стороне. «Красивый, мерзавец» – невольно подумал Сашка. Буря крути-

лась около ног.

Лай, призывный вой, и Бурька метнулась к воде. От хася плыла утка, должно быть, подранок, раз не улетел. Пес метался по берегу, но в воду не лез. Зато лайка, не сомневаясь, как будто каждый день из своих пяти месяцев на охоту ходила, прыгнула в воду и поплыла наперерез.

Птица нырнула, и лайка замерла, закрутила головой. Хась пробежал немного вдоль заросшего берега и застыл выжидая.

Вспомнились походы с дедом, и проснулся азарт – Буря, вон! Плыви! – сучка не сразу, но заметила птицу. Доплыла, схватила и потащила к берегу. Саня полез через прибрежную траву, которую местные называли мудорезом, и пожалел, что обут не в сапоги – кеды промокли насквозь.

Собака выскочила и хотела отдать птицу, но та вырвалась. В пару гребков лайка догнала ее и притащила снова.

Саня взял утку в руки и чуть не рассмеялся – селезень был жив. Сучка по неопытности тащила его больше за перья, и даже не придавила толком.

Еле успокоив собак, неся птицу на руках, он пришел домой.

Что делать с дичью? Сашка смутно помнил, что дед снимал с уток шкуру и перья «чулком» не ощипывая. Но это с мертвой птицы, а селезень был живее чем он сам. Птица поглядывала на парня желтым глазом и весьма смиренно сидела

на руках.

Он не считал себя вегетарианцем или каким-то щепетильным человеком, и, наверное, если бы Буря придавила утку, отдал ее соседу или попытался бы приготовить сам. Но убить – рука не поднималась.

Пришлось запереть в птичнике, налить воды и дать зерна. Птиц прошелся, расправил синие с серые крылья – Сашка аж залюбовался – и сел на пол. Прошелся снова, махнул, бросив пару перьев на пол, и парень понял, что лететь селезень не может. Ну и что с ним делать?

Посмотрев на свой зоопарк, Саня пошел к соседу. За три бутылки он отдал пару дедовских же уток, чтоб селезню скучно не было. И получил в довесок серого котейку, которого все равно хотели утопить.

– Блин. Обзавелся хозяйством. – Он так и не понял, что он тут делает, зачем оставался в деревне уже третий месяц. Чувство вины? Тоска? Боль? Что не давало ему покоя?

Пока не выпал снег, Сашка успел поправить забор, крышу и тепличку. Хотел было колоть дрова, но дядя Вася посоветовал по погоде только напилить да сложить, а колоть бóльшую часть с морозами. «все равно делать нечего, только телек смотреть. А у тебя и телека-то нет»

– Ты спятил там? – коротко спросил отец, когда Саня сказал, что останется на зиму.

– Не-а. Я в норме.

И не соврал ведь – монотонное повторение, забота о жи-

вотных как-то успокаивала. Это ж надо встать с утра, накормить, выгулять, затопить печь, убратся, вечером приготовить им еду на завтра. И так по новой. А в которое дневное время можно было колоть дрова до умопомрачения.

Вечерами он читал, смотрел фильмы на старом дедовском ноутбуке (который сам ему когда-то подарил)

И все никак не мог найти ответ на вопрос: что делать дальше?

Весна пришла, когда Саня уже начал думать что еще немного – и спятит. Серое небо не заполняло пустоту, как не заполняли ее птицы и собаки. Наоборот, от тишины и бездействия, казалось, сердце пошло трещинами.

Снег только начал сходить, и луга разошлись огромными лужами. Крики перелетных птиц над головой, зов. Курлыканы... лебедей? Да, высоко в небе, вытянув шеи, летела пара лебедей, и села на одну из луж в поле.

– Рановатенько они нынче, – махнул бутылкой дядя Вася. – Ничё, вон еще летят.

А следом, заставляя задирать головы в небо уток, летели их дикие сородичи. Огромный клин высоко, так высоко, что отдельных птиц сложно разглядеть – только зовущие голоса. Птицы летели домой, они возвращались на север.

И трещины в душе разошлись рваными ранами.

Селезень неловко махнул крыльями, глянул на Саню – хотелось думать, что с благодарностью, и полетел, задев жест-

кими перьями по лицу.

Будто пощечину вlepил.

Забили крыльями остальные утки, но куда им, откормленным и холеным, летать? Сашка провожал взглядом селезня.

Он стоял в снежной каше птичьего загона и, кажется, знал, почему не падает небо. Его держат крыльями тысячи перелетных птиц. Его держит вера тех, кто ушел.

Впервые за полгода Саня почувствовал себя свободным.

Впервые за полгода хотелось что-то делать.

Хотелось жить.

Кажется, дядя Вася говорил, что в районной спортшколе нужен тренер с опытом работы.

А там... там посмотрим.

Может, чтобы дойти до весны, надо сначала пережить осень.

Последний костер

Мне позвонил сосед. Ну как сосед: дядя Вова жил на соседней улице.

– Чего у вас там горит?

Я выглянул в окно.

– У нас – ничего.

– Ты выйди, посмотри. Как будто у тебя дом или сарай.

Иди посмотри! Нечего за компьютером сидеть!

Я ответил «хорошо» и вышел на порог. Холодный сумеречный воздух, голые ветки берёз. Через поле, за дальней лесополосой пылало зарево.

Выглядело страшновато. Стоило приглядеться и, казалось, что огонь движется. Может, пал пустили? Это было логично, с чего бы гореть лесу поздней осенью? Но всё же... Весной я помогал тушить пожар и слишком хорошо помнил, как мы боролись, чтоб верховой огонь от дома нерадивого пьяницы не дошёл до леса.

Страх бьёт лень, так что я оделся, взял телефон и вышел в позднюю осень.

Идти одному сквозь пустое поле было боязно, но вместе с тем меня опьяняло чувство свободы.

Ноги кололи торчащие стебли скошенной травы. Огонь казался рядом, но только взгляду – шёл я минут десять. И чем ближе, тем сильнее был уверен, что это пущенный кем-

то по полю пал.

И верно: проломившись сквозь скрещенные ветви елей и чуть не сломав ногу об упавшее дерево, я шагнул на широкую полосу вспаханной земли.

Впереди, трактор тащил горящее... колесо? В вечернем полумраке было не разобрать. Остатки сухой соломы горели ярко и быстро.

– О, а ты чего пришёл?

На вспаханной земле у небольшого костерка сидели мужики.

– Я из деревни... Недавно переехал. А тут огонь и дым. Испугался – вдруг лес горит, вызвал бы пожарников. А так вот сейчас обратно пойду.

Честно говоря, я чувствовал себя дураком: будничное, по сути дело, а я чуть панику устроил.

– Да ты сознательный! – мужик хохотнул, – выпьешь? Последний тёплый день, на завтра снег обещали. Так что это, считай – последний осенний костёр.

Я покачал головой.

– Да это не водка – сидр! Давай глотни!

Я осторожно взял бутылку. Вкус яблок, аромат тепла и лета, лёгкий дух алкоголя.

– А зачем жжёте? – спросил я.

– Так сажать тут будем весной. Всегда так делаем. Полезно для земли. Ты давай, пей!

– Не, ребят, мне ещё по темноте идти домой, – я покачал

головой.

– Хороший ты человек, – хмыкнул он, – ну, удачи тебе.

Обратно я не рискнул идти через поля, пошёл по дороге вдоль леса. Пусть дальше, зато ровно. В темноте хоть ноги не сломаю. Раздался шум и из темноты выскочила машина. Старый УАЗ тащил прицеп с огромным тюком соломы. Машина шла без фар, как – непонятно.

Водитель притормозил.

– Ты чего тут шатаешься?

– Так это... думал, лес горит. Проверять ходил.

– Пришлый что ли? Понаехали городские... Наплывь...

Пал первый раз в жизни увидел? Давай, иди.

Утром мне снова позвонил дядя Вова.

– Сань, ты никого вчера не видел?

– Мужики у костра сидели, а еще солому везли.

– А куда они поехали?

– Да откуда мне знать? – от вопроса стало тревожно, – а что не так?

– Пропали парни. Попросили у меня прицеп чтоб пару тюков стащить... и нет их. А у костра кто сидел?

Я как мог, описал мужика с сидром. Сосед долго молчал. Потом как-то хрипло сказал:

– Ладно. Пойду искать.

К вечеру прицеп нашли – он стоял на вспаханной земле,

где горел костёр. Ни машины, ни водителя с дружкой.

И только на кострище стояла бутылка домашнего сидра

– Вот говорил я им: не надо лишнее брать. Не надо в последний день октября ехать, – грустно сказал сосед, пиная угли, – а они... «пару тюков себе возьмем, пару продадим!»

Дураки! Вот он и разозлился!

– Кто – он?

– Ты его видел. Человек у последнего осеннего костра. На, выпей сидра за его здоровье. Не любит он без меры жадных... вот и...

Парней и машину так и не нашли. Кто говорил – напились и съехали в реку. Кто говорил...

На следующий день выпал первый снег. Осень закончилась.

А я купил яблок. Попробую что ли сидр сделать.

Феникс

Он давно предпочитал летать ночью. Он давно предпочитал не летать здесь.

Уж слишком шумно стало на этом свете. Слишком много самолетов, слишком мало свободного неба. Слишком много радаров, спутников, фотосъемки.

Слишком много искателей НЛО и слишком много устройств ПВО.

После того, как однажды в него попали (пришлось срочно перерождаться!)

он старался не попадаться. Он уходил за горизонт; то в Сумрак, то в Амбер, то в Средиземье. Даже в Нарнии было лучше, чем здесь.

Но иногда, иногда он не мог удержаться – и расправлял крылья на закате. Иногда он чувствовал, что должен, даже обязан, напомнить людям о том, чтоб те не забывали: ничто не горит до конца.

Он знал, что кому должно – увидят.

Кому надо – вспомнят.

Вспомнят о том, как надо возрождаться из пепла.